

Опыт прошлого освещает дорогу в будущее

Академик

Вениамин Васильевич
Алексеев

Исторический закон – строгий дядька незрелых народов и бывает даже их палачом, когда их глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к историческому самозабвению.

В.О. Ключевский

Академическое спокойствие было разрушено

Мне довелось присутствовать на международной научной конференции «Социальные трансформации в российской истории», приуроченной к 70-летию директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН академика В. В. Алексеева. Давно это было — более восьми лет назад, но запомнилось хорошо. Тексты подготовленных заранее докладов и сообщений составили 600-страничный том, который успели напечатать к ее открытию. Полистав его внимательно, я обнаружил в нем статьи ученых из 12 российских городов — «от Москвы до самых до окраин» (в смысле до Владивостока) — и шести зарубежных стран, включая «антиподов» — США и Австралию. Наверно, как водится, смогли приехать не все, кто прислал заявки и ста-

тьи, однако «пустот» в зале не просматривалось: не только все кресла и приставные стулья были заполнены, но немалое число энтузиастов стояло вдоль стен. Было много знакомых, но много и незнакомых (для меня — екатеринбуржца, но не историка) лиц; то там, то здесь звучала иноязычная речь. Думаю, столь представительный круг участников был привлечен не только темой, открывающей широкий выход к чрезвычайно актуальной сегодня цивилизационной проблематике, но и возможностью обсудить эту тему в собрании самых компетентных ее знатоков, чему гарантией было само имя «бенефицианта».

Может, театральное слово «бенефициант» тут и не совсем к месту, но что вы прикажете делать, если Вениамин Васильевич менее всего в той обстановке походил на юбиляра. Он выступил, как говорится в обиходе, с «затравочным» докладом, и приличествующее рангу участников собрания академическое спокойствие было безнадежно разрушено: у одних появились неотложные вопросы к докладчику, у других нетерпеливые возражения. Так или иначе, сразу стало очевидно, что «домашние заготовки» категорически не годятся и разговор, как поток, прорвавший дамбу, будет торить совсем иное русло, нежели кем-то предполагалось заранее, а докладчик, хоть он и сошел с трибуны, останется главным участником дискуссии.

Если читатель, который держит сейчас в руках эту книгу, не очень близко знаком со спецификой разговорного жанра, именуемого научной конференцией, то он вряд ли представляет себе, какой силы должен быть интеллектуальный взрыв, чтобы вот так повернуть разговор. Ведь конференция — это вам не митинг, где эмоции подавляют здравый смысл, и не собрание, где в противоборстве мнений рождается общее решение. На конференцию приезжают не спорить, а докладывать готовые «результаты исследований», и что там весит мнение, непредвиденно высказанное кем-то во время заседания, по сравнению с вашей собственной концепцией, выношенной «долгими зимними вечерами»? Обычное дело, если один оратор вполне убедительно опровергает некий расхожий постулат, а другой, выступая сразу вслед за ним, ни словом не определяет своего отношения к только что услышанному и строит свои доказательства как раз на этом опровергнутом постулате, будто предыдущего выступления и не было вовсе. А еще помню занятный случай (поверьте: вполне реальный), когда на солидной конференции прения начались прежде основного доклада: докладчик опоздал из-за транспортных проблем. Ну и что? Завершились прения, появился докладчик

Выступление на конференции историков

и выступил тоже, и ничего не изменилось «от перестановки мест слагаемых»!

Вот как это обычно бывает, а тут случилось совсем по-другому. Может, повышенным вниманием к идеям доклада участники конференции хотели выразить свое уважение к юбиляру? Но в таком случае они, наверно, стали бы поддакивать, а не вступать с ним в спор. К тому же слышал я не раз и прежде, и позже выступления академика Алексеева в разных аудиториях — он всегда не слишком-то считается с «протоколом», ибо так умеет повернуть предмет разговора, что о «домашних заготовках» вдруг все забывают и принимаются обсуждать предложенный им подход. Соглашаются или спорят — это уже другой вопрос.

Надо заметить, Вениамин Васильевич — оратор темпераментный; увлекаясь сам, он увлекает и слушателей. Но темпераментом, а также яркостью иллюстраций, парадоксальностью выводов легко заразить непрофессиональную аудиторию, а ученое собрание разве такими средствами проймешь? Дело в том, что научное мышление отличается от обыденного глубокой укорененностью в почве предшествующего знания. Годами, десятилетиями, а с учетом научной преемственности, и веками накопленное знание кристаллизуется в «парадигмах» и «концепциях», и если потом оказывается, что «факты против меня», то есть

в чем-то противоречат тем самым «парадигмам» и «концепциям», то «я» готов заявить (вслед за Гегелем): «тем хуже для фактов». Это курьезное заявление многие воспринимают как выражение непомерного самомнения немецкого философа, между тем как истинный его смысл — в констатации неодолимой (и в принципе очень даже необходимой) силы инерции научного мышления. Ученые даже шутят, что одолеть эрудицию можно разве что благим невежеством: все знают, что что-то там такое невозможно, а кто-то не знает, он-то — «по незнанию»! — и делает открытие.

Не знаю, случались ли на самом деле открытия по неведению, но про академика Алексеева могу сказать точно: нестандартность его подхода к любому предмету обусловлена уникальным историческим кругозором. Речь идет не

столько даже об эрудиции (эрудиция — это само собой), сколько об умении воспринимать любой факт ушедшей или текущей жизни в контексте глобальной истории. Скажем, мы ищем причины героических или трагических событий в России XX века — революций, двух мировых войн, репрессий, космических взлетов и экономических провалов — в доброй или злой воле правителей, в заблуждениях интеллигенции, в геополитических притязаниях соседей, в талантливости или долготерпении народа, а для академика Алексеева взлеты и катаклизмы национальной истории — это нечто вроде колебаний почвы в районе разлома земной коры вследствие круговращения евроазиатского материка.

«Кора» — весь, если можно так выразиться, массив всемирной истории, развернутый и вширь (принимаются во внимание все страны и континенты), и вглубь («от Адама» и до наших дней). А колебания «коры» — всякого рода социальные трансформации, происходящие в этом глобальном «массиве» вследствие естественного стремления людей к лучшей жизни и неизбежно-

го при этом столкновения личных, корпоративных, национальных интересов.

И вот вам хотя бы один пример (а можно бы и множество), позволяющий наглядно увидеть, к чему приводит такое изменение ракурса. Наши идеологи в недавнем прошлом любили порассуждать о «первой в мире стране социализма» — тут вам и предмет гордости, тут и оправдание просчетов власти неизбежными трудностями на пути первопроходцев. Но если вслед за В. В. Алексеевым «взглянуть на социализм в контексте исторического опыта веков и тысячелетий»¹, то оказывается, что социалистические государства («такого рода государство основано на *государственной собственности, государственном регулировании и управляется наемными чиновниками*»²) существовали и в Древнем Египте, и в Шумере, и в китайской империи Тан, и во многих других древних и средневековых государствах, расположенных в разных уголках планеты, и в исламских странах Ближнего Востока уже на нашей памяти, в XX веке... Обобщение столь обширного фактического материала позволяет сделать вывод, начисто лишаящий драматический отечественный опыт первородности: «...Социализм присутствовал в истории всегда, но он одевался в разные одежды, говорил на разных языках, и его приверженцы часто не понимали друг друга. Вся история человечества, по нашему мнению, была историей борьбы социализма и капитализма, социалистические государства рождались на свет, одерживали победы и погибали, сраженные внешними врагами или внутренними социальными болезнями»³.

Какие мысли приходят вам в голову, читатель, в связи с таким выводом? Наверняка кто-то подумает о том, сколь многих ошибок, ненужных испытаний и напрасных жертв удалось бы избежать нашему народу, если б идеологи и «стратеги» социалистического эксперимента в нашей стране были чуть менее «ленивы и нелюбопытны» и хоть в какой-то мере учли бы опыт своих многочисленных предшественников. Кто-то другой рассудит — и опять-таки резонно, — что нынешние наши «реформаторы» несколько погорячились, объявив свою победу над социализмом окончательной и бесповоротной. Несомненно, справедливо и то и другое мнение, однако решаюсь утверждать, что для само-

¹ Алексеев В. В.. Общественный потенциал истории. — Екатеринбург, 2004. С. 111. Курсив автора.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 118. (Цитируемая статья написана В. В. Алексеевым в соавторстве с С. А. Нефедовым.)

го В. В. Алексеева важнее третье: и крах советского социализма, и очевидные провалы «перестройки» и «реформ» имеют общую причину — историческое невежество. История не только изучает прошлое — она отвечает на запросы настоящего. История учит, и горе тому политику, кто не может или тем паче не хочет усваивать ее уроки.

Просвещенный читатель скептически усмехнется: наивное мнение! Еще Гегель, мол, заметил, что «народы и правительства никогда ничему не научились из истории». Но Вениамин Васильевич расхожую цитату из Гегеля помнит, оказывается, даже лучше, нежели его возможные оппоненты. Обычно на этом «не научились» ее обрывают, а ведь самое интересное идет дальше: философ поясняет, почему именно не научились. Если резюмировать его довольно длинное и по-гегелевски тяжеловесное рассуждение — не знали, как следует у нее учиться.

Однако справедливо в свое время заметил В. О. Ключевский (и эту его мысль В. В. Алексеев любит при случае напомнить): «История учит даже тех, кто у нее не учится. Она их проучивает за невежество и пренебрежение».

«Проблемы практической значимости»

Античный писатель, признанный потомками «отцом истории», начал свое сочинение таким предувещанием: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности». Много веков спустя Вольтер в статье для «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера написал: «Фундамент всякой истории составляют рассказы отцов детям, передаваемые из поколения в поколение». И уже в XX веке классик исторической науки Р. Дж. Коллингвуд определил, что «история — это наука о *res gestae*, попытка ответить на вопрос о человеческих действиях, совершенных в прошлом». Можно было бы привести и другие суждения — множество других суждений, — и все они точно так же сошлись бы на одном: история как научная дисциплина обращена в прошлое. Такова традиция, существующая уже две с половиной тысячи лет.

И по сей день в сознании обывателя, не чуждого интеллектуальным запросам, человек, избравший своей профессией исто-

рию, чаще всего рисуется таким архивным затворником, поглотителем старинных манускриптов и фолиантов, копателем древних могильников и пепелищ, сбежавшим от докучливой современности в мир теней, отбрасываемых минувшими веками.

И вот представьте себе, В. В. Алексеев посягнул и на эту традицию. Нет, он не поставил под сомнение необходимость сохранять память о «великих и удивления достойных» деяниях прошлого — без того история перестала бы быть историей; но он существенно иначе, нежели предшественники, подошел к вопросу о том, зачем эту память нужно сохранять.

У них, предшественников, впрочем, тоже не было единодушия на этот счет. «Чтоб не остались в безвестности» — это, конечно, не объяснение. Просветитель Вольтер ставил вопрос более предметно.

Он полагал, что история расширяет кругозор: она предоставляет государственному деятелю и любому гражданину возможность «сравнения законов и нравов чужих стран с собственными», и такое сравнение «побуждает современные нации соревноваться друг с другом в искусствах, торговле, земледелии».

Полтора столетия спустя французский историк Марк Блок, просветительских иллюзий уже не питавший, выразил мнение, что если даже «история ни на что иное не пригодна, следовало бы все же сказать в ее защиту, что она увлекательна» (кстати, необычайная популярность исторической беллетристики, а нынче и исторической публицистики подтверждает мнение автора знаменитой «Апологии истории»); однако этого ей, как он считал, все же недостаточно, чтоб занять «место среди наук, достойных умственного усилия». Последним «удается установить между явлениями логические связи», тем самым они объясняют происходящее вокруг нас; к тому же стремится и история, которая не довольствуется «простым перечислением» явлений и событий, но пытается «дать их разумную классификацию и сделать более понятными». Это все же не делает ее «полезной» в прагматическом смысле, поскольку она «не может дать нам указаний» («история — не ремесло часовщика или краснодеревщика»). «Не может дать» у Марка Блока вовсе не значит, что и не должна: историк поясняет, что древнейшая из наук развивается, постепенно уходит от описательности, но как «аналитическое занятие» она еще очень молода. Тем не менее аналитическое начало, которое в ней уже присутствует, по мнению Блока, важнее прагматической пользы:

Р. Дж. Коллингвуд

«Пусть homo faber или politicus всегда будут безразличны к истории, в ее защиту достаточно сказать, что она признается необходимой для полного развития homo sapiens». Проще говоря, история делает человека умнее, и это вполне оправдывает ее существование

С Вольтером или Марком Блоком В. В. Алексеев не спорит — они говорили о важном, да большего в их времена от истории и не требовалось. Но времена изменились. «По мере ускорения исторического процесса, перехода к информационному обществу и совершенствования научного познания возрастает роль исторического знания, необходимость использования его в современной социальной практике, — утверждает уральский историк. — Чтобы сохраниться и занять достойное место в новом обществе, исторической науке предстоит перестроиться от описательности к аналитичности. Такой путь уже проделали практически все науки. Наряду с воспитательной и идеологической функциями ей предстоит развить прогностическую, обеспечивающую повышение обоснованности решения проблем современности на основе исторического опыта»¹.

Иными словами, в отличие от знаменитых предшественников, историк В. В. Алексеев убежден, что сегодня общество уже вправе требовать от науки, которой он посвятил жизнь, не только увлекательности и назидательности, но и вполне реальной практической помощи в решении насущных социальных проблем. Речь все же не идет о превращении истории в прикладную дисциплину (в подобие «ремесла часовщика или краснодеревщика»): «повышать обоснованность решения», согласитесь, — совсем не то же самое, что перелагать функцию принятия решения на себя. То есть предполагается, что решать-то будут специалисты, опираясь на свой профессиональный механизм принятия решений, но история может и должна послужить прочным фундаментом для этого механизма. Эту ее роль следует охарактеризовать как мировоззренческую.

Но выполнение мировоззренческой функции не освобождает историю от извечно стоящих перед ней задач исследования конкретных событий, происшедших и происходящих в мире. Обобщения философского уровня вплетаются в ее исследовательский инструментарий, как, к примеру, законы небесной механики в математический аппарат, с помощью которого рассчитывается траектория межконтинентальных ракет. В этом и состоит новиз-

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 8.

на понимания академиком Алексеевым общественной роли истории, в этом же состоит и главная трудность исследователя, принимающего такой подход, поскольку дискутировать о достоверности научной реконструкции давно происшедших событий, конечно, интересно, но (воспользуюсь еще раз той же аналогией) «ракета должна полететь».

Утверждая новые представления о возможностях использования исторической науки в современной социальной практике, В. В. Алексеев не рассуждает по принципу «надо чтобы» (некогда справедливо высмеянному писателем Симоном Соловейчиком), а именно в духе этих представлений сам и работает. Тематика его исследований охватывает широчайший круг не просто современных — остро злободневных проблем: экономические и политические преобразования в современной России, судьбы оборонной промышленности, топливно-энергетического комплекса, аграрных отраслей, формирование налоговой системы, отвечающей потребностям модернизируемой экономики, становление системы местного самоуправления...

То есть вся энергия, весь пафос научных исканий ученого обращены не к прошлому, а к современности. Результаты его исследований востребованы чрезвычайно широко: он не просто ученый, но и крупный общественный деятель — неперенный участник разных комиссий, в том числе и международных, авторитетный эксперт, инициатор и организатор общественных акций. При этом он не принимает на себя роль ни политолога, ни экономиста, ни криминалиста: обращаясь к любой теме сегодняшнего дня, участвуя в любом общественном деле, В. В. Алексеев остается историком. Однако не Пименом, оставляющим правдивые свидетельства для потомков, а аналитиком, использующим *исторический опыт* для препарирования самых сложных коллизий современности. В понятии «исторический опыт» (оно, если вы помните, употреблено и в приведенной выше цитате) и содержится ключ к той новой методологии, которая, соединяя уровень частной науки с мировоззренческим уровнем, позволяет использовать *потенциал истории* для решения современных проблем.

Хочу сразу обратить самое пристальное внимание читателя на понятие «исторический опыт»: даже из того небольшого, что я уже успел сказать о нем, видно, сколь значимое место отводится ему в научном инструментарии академика Алексеева.

Марк Блок

Это понятие начало наполняться важным методологическим смыслом в трудах ученого, созданных еще в семидесятые годы; в дальнейшем изучение исторического опыта стало, по определению его коллег, «главенствующей научной парадигмой в разноплановых трудах исследователя»¹. И не случайно, получив приглашение выступить с докладом на XVIII Международном конгрессе исторических наук в Монреале (в 1995 году), Вениамин Васильевич посвятил свой доклад именно историческому опыту как методологической идее, расширяющей возможности исторической науки. Большим разделом «Исторический опыт» открывается и сборник его работ «Общественный потенциал истории». Издание было приурочено к 70-летию ученого, и в нем представлены основные направления его научной деятельности на протяжении в основном предшествовавшего десятилетия.

На поверхностный взгляд, понятие «исторический опыт» очень близко (а в работах некоторых авторов даже тождественно) по содержанию понятию «*историческое знание*», однако в тонком различии между ними, на которое обращает внимание В. В. Алексеев, кроется очень важный эвристический смысл. Историческое знание — это наиболее полное отражение в исторической науке (в формах, ей присущих) суммы исторических фактов, относящихся к тому или иному событию или периоду жизни общества. Исторический же опыт — результат анализа исторического знания, «концентрированное выражение социальной практики прошлого»², то есть *понимание закономерностей*, соединяющих бесчисленные факты и события, имевшие место в прошлом, в единый исторический процесс, продолжающийся в той или иной форме и сегодня. Может быть, несколько схематизируя (и тем самым неизбежно упрощая) мысль В. В. Алексеева, я бы сказал, что историческое знание — оно о том, *как* нечто происходило; исторический опыт — понимание, *почему* это неминуемо должно было произойти. Обладая историческим знанием, человек может разве что пессимистически повторить вслед за библейским проповедником: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9). Пессимизм — умонастроение деструктивное, и в таком случае, возможно, следовало бы согласиться с Полем Валери, который назвал историю «самым опасным продуктом, вырабатываемым

¹ Поляков Ю. А., Сперанский А. В. Академик РАН Алексеев Вениамин Васильевич // Социальные трансформации в российской истории: Докл. междунар. науч. конф., 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург — Москва: Академкнига, 2004. С. 20.

² Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 17.

химией интеллекта». Но исторический опыт дает надежду: вооружившись им, человек обретает способность глубже понимать современный общественный процесс, в меру понимания прогнозировать его дальнейший ход, а значит, иметь возможность даже в той или иной мере влиять на ход событий.

Мера понимания исторического процесса и мера претворения этого понимания в социальное действие зависит от широты обобщения «исходного материала». Ведь предметом изучения для историка может быть и отдельное историческое событие (или отдельная личность), и целая эпоха. Поэтому при организации научных исследований удобно выстраивать типологию исторического опыта, соотнося ее со временем, местом и субъектом исторического события. Однако для В. В. Алексеева важно подчеркнуть не столько возможность выделения различных типов исторического опыта, сколько их диалектическую взаимосвязь и взаимопроникновение. Так, «изучая местный опыт, историк не только выясняет общее и особенное, но иногда выходит на общеисторические закономерности»¹. С другой стороны, местный опыт невозможно осмыслить достаточно глубоко, опираясь лишь на историческое знание местного же масштаба. Вениамин Васильевич цитирует Карла Ясперса: «Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время»². Это утверждение классика справедливо и по отношению к любому другому локальному типу исторического опыта.

Для завершения своего доклада в Монреале академик Алексеев нашел весьма наглядный образ: он уподобил исторический опыт (точнее бы, наверно, сказать: человека, владеющего историческим опытом) водителю современного автомобиля: «едет вперед, но постоянно смотрит в зеркало заднего вида»³.

Загадка яблока

В упомянутой выше цитате из Гегеля, обычно преждевременно обрываемой, а В. В. Алексеевым в книге «Общественный потенциал истории» приведенной полностью, есть очень важный нюанс: дескать, «бледное воспоминание прошлого (читайте: историческое знание. — В. Л.) не имеет никакой силы

¹ Алексеев В. В.. Общественный потенциал истории... С. 18.

Там же. С. 19.

³ Там же. С. 20.

по сравнению с жизненностью и свободой настоящего». Вот ему обычно и не придают значения — «история не учит». А исторический опыт (это уже замечено академиком Алексеевым) — не факт, не событие, погребенное под спудом времени, а закономерность, которая именно как закономерность равно принадлежит и прошлому, и настоящему и будущему. Как с ним не считаться? Простая, казалось бы, мысль, но почему-то раньше она никому не приходила в голову. Точно так же, как никто не задумывался о закономерностях взаимного притяжения физических тел, пока яблоко не упало на голову Ньютона.

Вот это пресловутое «яблоко» — главная загадка биографии любого ученого: ведь без него не обходится ни одно научное открытие, ни одна сколько-нибудь значимая научная идея. Между тем на многие головы оно падает без каких бы то ни было последствий для науки, пока, наконец, под ним не оказывается голова, способная воспринять и расшифровать этот знак истины. Выходит, дело не только (и не столько) в яблоке: голова должна быть устроена определенным образом.

Как-то, роясь в домашней библиотеке, я наткнулся на полузабытый сборник студенческих научных работ, изданный в Уральском университете имени А. М. Горького еще в 1958 году: юные исследователи, учившиеся на разных факультетах, представили плоды своих изысканий о специфике некоторых видов искусства. Практически со всеми авторами я познакомился позже (в некоторых случаях — десятилетиями позже), когда они уже были состоявшимися специалистами: доктор математики (он же музыкант), профессор-лингвист, кинорежиссер, живописец, театральный критик... И вот что меня поразило: перечитывая теперь их юношеские сочинения, я в каждой фразе, в каждом повороте мысли ощущал знакомые — по гораздо более поздним временам! — интонации, знакомый стиль мышления, знакомую доминанту интересов. Причем не в одном случае, а во всех! То есть каркас личности каждого сформировался еще в студенческую пору, а уж потом он обрастал «навесными» деталями — специалисты обретали «фигуру», вес и место в обществе. Вот только загадка: как сформировался тот каркас? Боюсь, что удовлетворительно ответить на этот вопрос наука пока что не в состоянии, однако расхожая истина «все мы родом из детства», по крайней мере, подсказывает, где искать ответ.

Сказать, что Вениамин Васильевич Алексеев родился и провел детство и юность в российской глубинке, — значит, сказать слишком слабо. Он родился и жил до 20 лет, до отъезда в Иркутск, на

учебу в университет, в пристанционном поселке Могоча, на Транссибе. Вы слышали что-нибудь про Могочу? Сейчас это город, правда, небольшой — немного за 17 тысяч жителей, а тогда, в конце 1930-х, в 1940-е годы, население поселка едва ли превышало 5 тысяч. Я заглянул в справочник, поискал на карте: оказывается, находится Могоча в 709 километрах к северо-востоку от Читы; знаменитые Шилка и Нерчинск (которые «не страшны теперь») — вдвое к ней ближе. А, между прочим, про Читу, этот центр притяжения огромного забайкальского края, знакомая зарубежная журналистка, побывав там несколько лет назад, рассказывала мне, ужасаясь и негодуя: «Это дирка, дирка!» Надо ли переводить «с русского на русский»? Могочу она миновала, едучи из Владивостока на поезде, просто не заметив...

Город Могоча

Однако не будем спешить с выводами. Оказывается, совсем иначе смотрится родной городок академика В. В. Алексеева, если взглянуть на него в другом ракурсе. Из упомянутого же справочника я узнал, что станция Транссиба Могоча получила свое непонятное название от небольшой таежной речки, которую в этом месте пересекала великая магистраль, а речка Могоча впадает в реку покрупнее — Амазар. Та, в свою очередь, — в Амур, который уже «плавно свои воды несет» в самый большой на планете океан. Не правда ли, применительно к биографии крупного ученого такая география выглядит символично? Между прочим, и само это непривычное для русского слуха слово «могоча» тянет на символ, ибо в переводе с эвенкийского означает то ли «золотое дно», то ли «золотая долина» — словом, самое то место, где встречаются самородки.

К сожалению, символ хорош лишь тем, что позволяет красиво «подать» совершившийся факт, а объяснить этот факт он не может. Если бы объяснял, то все жители Могочи должны быть людьми необыкновенными. Но, думаю, они там, в общем-то, таковы, как и везде на Руси. И навсегда пребудет загадкой, почему в многодетной семье помощника паровозного машиниста Василия Дмитриевича Алексеева, где во всей родне не было человека с выс-

шим образованием, появился сын с таким интеллектуальным потенциалом, с таким трудолюбием и такой энергией, что ему было суждено со временем стать одним из виднейших российских историков.

Вообще-то Василий Дмитриевич был не прост. Родом из западносибирской деревни Козино (близ станции Татарской), с одним классом сельской школы за плечами, он где-то в канун коллективизации ушел «в люди» — искать хлеба и доли на стороне. Судьба увела его далеко от дома — в ту самую Могочу, где он поначалу устроился ремонтным рабочим в паровозном депо, потом перешел на паровоз. Он был помощником машиниста, когда родился будущий академик, несколько позже стал машинистом, но это уже была вершина его рабочей «карьеры»: с паровоза, выработав свой жизненный ресурс, он потом и на пенсию ушел. Должность паровозного машиниста на железной дороге была хоть и невысокая, но, скажем так, магистральная: почти все средние, крупные и совсем большие железнодорожные начальники начинали свое восхождение с правого крыла локомотива. Василий Дмитриевич Алексеев машинистом был отличным, однажды даже получил именные часы непосредственно из рук наркома Кагановича. Прояви он волю к служебному росту — пожалуй, и «нищее» (именно так, через букву «с», в ту пору писали про себя в анкетах многие высокие руководители) образование не помешало бы. Но, видимо, для карьеры он характером не подходил: слишком самостоятелен и независим был в мыслях, суждениях и поступках.

Ну вот хотя бы такая, к примеру, частность. Вы, наверно, слышали: было в Забайкалье, вблизи железнодорожной линии, настоящее «чудо света» — скульптурный портрет Сталина, вырубленный из цельной скалы и возвышающийся над лесом, — произведение неких героических зэков, таким способом, говорят, заработавших себе волю. (Мне довелось его видеть лишь на фотографии, сделанной из вагонного окна.) Проходящие мимо поезда почтительно тормозили в этом месте («салют Мальчишу!»), один лишь машинист Василий Алексеев позволял себе проезжать мимо без остановки. Не то чтобы вольнодумство демонстрировал, а просто считал этот ритуал бессмысленным и даже опасным. Там дорога шла на подъем, и если остановить тяжелый состав, а потом снова тронуть его с места — можно было порвать сцепление, учинить серьезную аварию. По нынешним временам — нормальная позиция серьезного человека. Но времена-то были другие... И во всех иных житейских ситуациях (а они быва-

ли и посложнее) Василий Дмитриевич имел свое мнение и поступал не как принято, а по уму. Это далеко не всем нравилось — какая уж тут карьера. Годы спустя с сыном вспоминали: как это ему удалось, с таким-то характером, благополучно миновать годы репрессий? Наверно, просто повезло...

Я довольно подробно рассказываю об отце Вениамина Васильевича, поскольку именно под влиянием импульсов, полученных в детстве от отца, определился жизненный путь героя этого очерка.

Тут надо еще сказать, что Василий Дмитриевич, при одном-то классе образования, был заядлым книгочеем. Не удивляйтесь: среди его сверстников было немало людей такого же типа — мне, во всяком случае, доводилось не раз встречаться с ему подобными людьми. В книгах они, как я мог заметить, искали не развлечения (до развлечений ли им было в то тяжелое время?), а утоления духовной жажды. Вот и Василий Дмитриевич предпочитал книги «умственные», расширяющие кругозор, отвечающие на мировоззренческие вопросы. Помните расхожую шутку: «Беспокоит меня Гондурас»? Так это и про него тоже.

Конечно, районная библиотека в Могоче была не очень богата, но все же — благодаря непостижимой для «рыночного» разума советской системе распространения книг — в ее фонды попадало немало интересного. Уж русские-то классики имелись непременно, были и книги научно-популярные, была в порядочном «ассортименте» историческая проза. Даже, оказывается, по истории дипломатии там было что почитать. А уже после войны Василий Дмитриевич выписал себе 50-томную «Большую советскую энциклопедию», немало времени над ней просиживал и (ну это, конечно, много позже) нередко ставил своими каверзными вопросами в тупик сына-профессора.

Судьба не позволила Василию Дмитриевичу самому получить образование, так он хотел видеть сына хорошо образованным. Вениамин Васильевич до сих пор вспоминает, как однажды (он уже учился в восьмом классе) мать постелила им с отцом на полу, а в доме было холодно, так они укрылись собачьей дохой — вроде уединились, — и между ними состоялся серьезный разговор. «Я хочу, чтоб ты окончил университет», — заявил тогда отец и даже потребовал: мол, обещай, что выполнишь это пожелание. А год или два спустя Василий Дмитриевич возвращался из отпуска, и его соседом по купе оказался некий аспирант. Путь был неблизкий, они там душевно пообщались, а когда отец появился дома, он уже потребовал от сына обещания, что тот закончит аспиран-

туру. А тот еще и в университет не поступил, а об аспирантуре вообще ничего не слышал. Конечно, можно улыбнуться, но...

Тут, впрочем, есть еще одна загадка. У Василия Дмитриевича и Евдокии Ульяновны детей было шестеро — двое сыновей и четыре дочери. Почему же от других отец не требовал ни университета, ни аспирантуры? (К слову, младший брат Вениамина Васильевича повторил путь отца — всю жизнь до пенсии проездил машинистом; сестры тоже получили довольно скромное образование.) Наверно, все-таки дело в том, что в старшем сыне Василий Дмитриевич достаточно рано распознал ту же страсть к знаниям, которая всю жизнь обуревала его самого. И побуждаемый этой страстью, поощряемый отцом, Вениамин учился азартно и успешно: по всем предметам одни пятерки, а что касается чтения для души — тут он рано пошел вслед за отцом, а потом (еще в Могоче) и впереди отца.

Сегодня чадолюбивые родители готовы идти на любые подвиги и жертвы, чтобы определить сына или дочь в «престижную» школу, к «самым-самым» учителям. Не буду спорить: школа и учителя — это, конечно, важно, но вот пример В. В. Алексеева доказывает, что все-таки главное заключено в самом ученике. Ну что за школа была у них там, в Могоче? Нет, об учителях Вениамин Васильевич плохо не говорит: добросовестнейшие трудяги, и предмет свой знали, хотя выдающихся педагогов среди них не было и ни об одном, пожалуй, нельзя сказать, что вот он-то и повлиял на выбор пути будущим академиком. Предполагаю, однако, что с позиции учеников не все было заметно, но вот характерная кадровая закавыка — частность, которая, в какой-то мере позволяет судить и о ситуации с учителями в районном городке Могоче в целом. (С чем-то подобным, я думаю, сталкивались многие, кто оканчивал школу в российской глубинке в 1950-е годы). В пятом классе будущий академик начал учить немецкий язык, но вдруг учитель уволился, а заменить было нечем; в седьмом появился «француз» — и снова ненадолго. В десятом получили учителя английского, да много ли за год успеешь при методиках тех лет? Вот и оказался у отличника Алексеева (как и у всех остальных его одноклассников) в аттестате за иностранный язык — прочерк...

Логика повествования требует, чтоб дальше я стал рассказывать о том, как он с этим прочерком в университет поступал. Ан нет, у жизни своя логика. Где-то вскоре после выпускных экзаме-

нов счастливый абитуриент¹ с ветерком прокатился на мотоцикле и... с серьезными травмами оказался на больничной койке. Пока его лечили, все сроки для поступления в вуз ушли, и теперь следовало подумать, чем заняться до следующего лета. Выбор рабочих мест в Могоче был небольшой, но и грамотных людей в городке было немного. В результате восемнадцатилетний Вениамин Алексеев стал литсотрудником районной многотиражки «Могочинский рабочий».

Но, между прочим, эти нечаянные восемь месяцев журналистики (с ноября по июль) не стали «лишними» в его творческой биографии. Во-первых, они помогли ему, скажем так, совершить прорыв в область письменной речи. Иными словами, он обрел способность выражать мысли на бумаге просто и доходчиво. И по сей день научные труды академика Алексеева отличаются живостью и ясностью изложения; он и от своих учеников добивается внятного, не затуманенного наукообразной заумью письма.

Во-вторых, работа в многотиражке стала для Алексеева, по собственному его признанию, эффективной школой интенсивной и ответственной работы. Дело в том, что их там, в редакции, было всего-то трое: редактор, юный литсотрудник да машинистка. А редактор, случалось, запивал. Вот и приходилось вчерашнему десятикласснику делать весь номер практически одному. «Причесать» нужное количество заметок, намеченных к публикации, — еще куда ни шло; но ведь надо было еще и передовицу сочинить. Цена этим сочинениям известна, однако требовалось выдерживать каноны жанра: газета делалась под бдительным присмотром райкома. А сроки порой так поджимали, что литсотрудник Алексеев эту передовицу по абзацам, по мере их готовности, передавал наборщику (типография была прямо за стенкой, а в ней прорезано окошко): пока тот набирает — он пишет следующий абзац...

В таких трудах пролетели зима и весна, наступило лето 1954 года — и снова был объявлен прием документов в вузы.

¹ Справка для сомневающихся: исконное и подлинное значение слова «абитуриент» — не «поступающий в вуз», а «оканчивающий среднюю школу». В 1950-х годах это слово у нас редко употребляли, а если употребляли, то именно в этом значении.

Excellent, Алексеев!

Куда посылать документы? Такой вопрос в семье особо и не обсуждался. Самый круг чтения и образ мышления отца, перенятый и сыном, предполагал гуманитарную специальность. Возникали, правда, амбициозные мысли о легендарном МГИМО, да кто бы стал всерьез рассматривать этот вариант с прочерком по иностранному языку в аттестате? В областной Чите был лишь пединститут, а отцу, вы помните, непременно нужен был университет. Ближайший же университет был в Иркутске, а в нем исторический факультет — именно то, чего и хотелось. Конечно, расстояние от дома выходило больше тысячи километров, но по сибирским меркам это вроде не так уж и много.

В Иркутском университете документы приняли, прислали вызов на приемные экзамены, но просили заранее уведомить, какой иностранный язык поступающий собирается сдавать на вступительных экзаменах. Поступающему было практически все равно: не знал никакого. Однако записался на английский — попытка изучать его была последней по времени. Чуть ли не по дороге от Могочи до Иркутска, в вагоне, выучил английскую грамматику. Не изучил, а именно выучил — практически наизусть: память была безупречная.

И вот — экзамены. Конкурс немыслимый — четырнадцать человек на место! Но хорошо освоенные школьные предметы — сочинение, историю, что-то там еще — Алексеев сдал без проблем. Иностранный же язык в расписании шел последним. Придя на экзамен, Вениамин осмотрительно не торопился. Пропустил впереди себя целую группу бурят — у них-то и с русским языком были проблемы, но в тот год набирали специальную бурятскую группу. К измотанной экзаменаторше подошел последним. Она скользнула взглядом по листочку, где он подготовил письменную часть ответа — все о'кей! Дальше нужно было прочитать какой-то небольшой текст... Полный, безоговорочный провал в этой части даже удивил и озадачил строгую «англичанку»: вот же экзаменационный лист с пятерками по всем прежде сданным предметам, вот листок с безупречно выполненным письменным упражнением — так сейчас-то в чем же дело? Стала расспрашивать, и выпускник очень средней могочинской школы рассказал ей все как на духу. Она предложила ему взять еще один билет — «диагноз», увы, подтвердился: безупречное знание грамматики и полное отсутствие навыков чтения. Вздыхнув, «взяла грех на душу» — поставила в экзаменационный лист четверку.

Эта история очень скоро получила забавное продолжение. В первый день занятий первым же предметом в расписании группы, куда был зачислен студент Алексеев, значился английский язык. В аудитории появилась та же «англичанка», что принимала экзамен. Знакомство с группой она решила начать с письменной работы. А на следующем занятии раздала листки с поправленными ошибками и оценками. У кого-то четверка, у кого-то тройка, а у Алексеева — Excellent. Тут она стала всех вызывать по списку, спрашивать, что кому поставлено за письменную работу. Представьте же, как она хохотала, когда Вениамин не смог прочесть, что получил отлично.

...Прошли годы, и теперь академик Алексеев на международных конференциях слушает доклады коллег на английском языке, достаточно свободно общается с ними. Выходит, оправдалась та «незаконная» четверка на вступительном экзамене, в принципе невозможная в системе ЕГЭ!

А вот что касается Иркутского университета — с ним Вениамину Васильевичу явно повезло. Тут надо учесть неприметную для непосвященных деталь: университет основан в 1918 году. Необычная для таких начинаний, не правда ли, дата? А дело в том, что Сибирь тогда находилась под властью Колчака. В сибирских городах оказалось немало ведущих ученых, по преимуществу гуманитарного профиля, вытесненных революцией и Гражданской войной из столиц и университетских городов Центральной России. Они же не думали, что большевики — это надолго, и временное свое пребывание в Сибири хотели использовать во благо Отечества. Так возникла идея учредить в Иркутске университет. Почему именно в Иркутске (а не в Омске, например, или в Тюмени)? Понятно, что взвешивались разные резоны (обсуждать их здесь, я думаю, было бы неуместно), но, несомненно, учли, что еще задолго до революции в городе начали складываться гуманитарные традиции. В 1851 году здесь было учреждено Сибирское отделение Русского географического общества, во второй половине XIX века здесь же возникла сильная школа археологов. Словом, основания были, и Верховный правитель идею поддержал.

*Вениамин Алексеев — студент
Иркутского университета*

(Кстати, можете себе представить изумление и смятение организаторов торжеств по случаю полувекового юбилея Иркутского университета, когда из архива был извлечен учредительный документ, а под ним красовалась подпись А. В. Колчака?!). Так что хотя университет был основан в очень трудное для России время, он изначально отличался блестящей профессурой. И способный юноша из Могочи, который всех этих обстоятельств знать еще не мог, а Иркутский университет выбрал просто потому, что он был ближний от дома, негаданно обрел великолепную возможность приобщения к большой науке.

И этой возможностью Вениамин, с его восприимчивостью и отличной памятью, с воспринятой от отца жадной знаний, с уже тогда проявившимся общественным темпераментом и опытом ответственной работы, с безграничной уверенностью в своих силах, — он этой возможностью воспользовался сполна! Университет В. В. Алексеев окончил с красным дипломом, был рекомендован в аспирантуру (да, отец мог быть доволен: намеченный им план успешно выполнялся!) и с увлечением занялся диссертационной темой — историей электрификации Восточной Сибири...

Когда подходил к концу третий год аспирантуры, встал вопрос о месте будущей работы. Успехи молодого ученого, занимающегося к тому же историей современности, были заметны в университете, и ему «оказали честь» — предложили место на ка-

федре истории КПСС. Вениамин Васильевич «честь» отклонил без колебаний: хоть кафедра считалась вполне почтенной и сулила хорошие перспективы роста, молодой историк достаточно отчетливо сознавал, что там в цене малоинтересная идеологическая игра, а настоящей науки нет.

И он предпринял шаги в поисках путей в науку.

Его очень привлекал новосибирский Академгородок: незадолго перед тем в Институте экономики бурно развивающегося Сибирского отделения АН СССР открылось Отделение гуманитарных исследований, которое возглавил один из самых известных историков страны, член-корреспондент Академии наук СССР А. П. Окладников. Алексей Павлович приехал в Академгородок из Ленинграда, но он был сибиряк и по рождению, и по направленности своих научных интересов, и по духу. Кажется, во всей бескрайней Сибири не оставалось уже таких уголков, где бы не побывал Окладников со своими экспедициями, но Иркутск более иных мест мог считать его своим, потому что одно время — в далекой молодости — Алексей Павлович здесь даже жил и был причастен к здешнему кружку археологов, а в пятидесятые годы именно он возглавлял археологические экспедиции, которые проводили изыскания на месте будущих водохранилищ Иркутской и Братской ГЭС. Между тем аспирант Алексеев, как вы помните, работал над диссертацией об истории электрификации Сибири... Словом, все, буквально все сходилось на том, что путь в науку лежит через команду Окладникова... Увы, в тот раз не получилось, причем по очень простой причине: в Отделении у Окладникова уже не было вакансий.

Однако предпринятые В. В. Алексеевым шаги все-таки дали результат, правда, довольно неожиданный: вдруг пришло письмо от академика И. Н. Векуа — ректора недавно учрежденного Новосибирского университета; он официально предлагал молодому историку место ассистента на кафедре истории СССР гуманитарного факультета. Подумав, Вениамин Васильевич согласился.

Так в 1962 году, с практически готовой, но еще не защищенной диссертацией Алексеев оказался в Новосибирске.

В Новосибирском университете он, однако, получил не совсем то, на что рассчитывал. К нему довольно быстро присмотрелись, оценили его энергию, деловую хватку, ответственное отношение к работе и избрали секретарем комитета комсомола. Началась бурная жизнь: уходил на службу к девяти утра, а возвращался... Ну, тут уж как повезет: время было «оттепельное», бурное.

Незадолго перед тем накатилась вторая волна борьбы против культа Сталина: «вождя» (украдкой, среди ночи!) вынесли из Мавзолея, разрешили (и тут же спохватились: не переборщить бы со свободой!) «лагерную» повесть Солженицына. Непоследовательность властей сказывалась на общественном настроении: одни с энтузиазмом поддерживали новые веяния, другие — кто из боязни грядущих «заморозков», а кто искренне веря в пользу «железного порядка» — вступались за уходящую «великую эпоху». Так было по всей стране, но гораздо острее, чем в любом другом месте, эта ломка времен проходила в Академгородке. Там ведь тон задавали крупные ученые, переехавшие из Москвы, Ленинграда, других научных центров. Как правило, они руководили научными институтами и одновременно заведовали кафедрами в университете, что, конечно, способствовало росту научной смены, но было весьма опасно для идеологических устоев. Эти ученые часто бывали за границей, черпали там из недоступных дома источников предосудительную, с точки зрения наших спецслужб, информацию и позволяли себе не таить ее от студентов. Ну а историю КПСС (вместе с соответствующими кафедрами, профессорами, доцентами) никто не отменял. Страсти кипели на занятиях, после занятий; студенческие общезнания гудели чуть ли не до утра. Прежние доносы сменились «сигналами», репрессии — неприятностями, но, между прочим, задача парткома и комсомола заключалась уже не в том, чтоб, как в былые времена, «тащить и не пущать», а чтобы, «не сдавая идеологических позиций», «сохранять для науки» ученых, в том числе и будущих ученых. Была ли такая задача в принципе разрешима? Тогда надеялись, что — да; но секретарю комитета комсомола Вениамину Алексееву частенько приходилось возвращаться домой, к жене и маленькому сыну, часам к двум ночи и совершенно измотанному. А вожделенная наука и вовсе отодвигалась куда-нибудь на пятое место. И в таком режиме молодой комсомольский деятель прожил года полтора. Но до конца поглотить себя стихии не позволил: как ни трудно было выкраивать время — кандидатскую диссертацию завершил и защитил.

Использовать перспективного кандидата наук в качестве «масовика-затейника» (простите некоторую вульгаризацию) было явно бесхозяйственно, но и его опыт организационный работы с молодежью представлял немалую общественную ценность. Для В. В. Алексеева нашли место, казалось, более отвечающее его квалификации, наклонностям и возможностям: назначили заместителем декана. Должность эта — думаю, читатель знает, — тоже не очень-то способствует погружению в науку. На замдека-

на лежат все хлопоты по организации учебного процесса (чтоб расписание занятий было грамотно составлено и неукоснительно соблюдалось); замдекана каждого студента персонально чуть ли не за ручку ведет от сессии до сессии (следит за выполнением учебного плана, а заодно и за перепадами настроения и непредсказуемыми художествами юных искателей приключений, впервые вырвавшихся из-под родительской опеки); а еще замдекана, как всякий другой преподаватель, читает лекции, ведет семинары, руководит курсовыми, дипломными работами. Не хочу сказать, что на долю В. В. Алексеева выпали какие-то особые испытания: должность замдекана в вузах — почти массовая, через нее прошли, без преувеличения, тысячи молодых и не очень молодых преподавателей. Я сейчас о другом: работа Вениамина Васильевича на гуманитарном факультете Новосибирского университета вполне соответствовала вузовским канонам. Разрабатывал лекционные курсы, в положенные сроки из ассистентов перешел в старшие преподаватели, а потом получил звание доцента, даже успевал урывками работать над докторской диссертацией. И, конечно, очень много, гораздо больше, чем коллеги по кафедре, общался со студентами — доверительно и неформально. Это отвечало его характеру, того требовала и его должность в деканате. Казалось, русло жизни окончательно определилось, впереди уже просматривались ожидаемые рубежи: докторская защита, профессорское звание, наверняка кафедра, аспиранты, своя школа...

Ситуация резко изменилась после одного непредвиденного казуса, который случился в октябре 1964 года.

В то достопамятное утро Вениамин Васильевич по какой-то житейской причине замешкался дома и прибежал в университет на первую пару к самому звонку. Снимая пальто, услышал краем уха, как одна гардеробщица говорила другой, что «Хрущев уже больше не Хрущев», однако не очень понял, что бы это значило, а поинтересоваться было некогда — с тем и появился в аудитории. Начал было читать лекцию, и тут поднялась чья-то рука: как вы, дескать, прокомментируете?.. Отмахнуться, сослаться на неведение значило бы для преподавателя, дорожившего своими доверительными отношениями со студентами, потерять лицо. По крайней мере, так ему тогда казалось. И он мгновенно принял решение: давайте, дескать, лекцию прерывать не будем, а все вопросы, которые вы хотите задать, передайте мне в письменном виде. Закончу, мол, лекцию пораньше и буду отвечать.

Потом он подсчитал число переданных ему записок — сто две! Если читатель помнит то время, то может себе предста-

С сыном Алексеем. 1965 г.

вить, какие это могли быть вопросы. О причинах освобождения Н. С. Хрущева от должности первого секретаря ЦК — возможно, самый невинный. (Официальная версия довольно долго не сообщалась, сказано было просто — «в связи с уходом на пенсию».) Пришлось ассистенту Алексееву публично давать собственную, не «апробированную» и никем не санкционированную (неслыханная дерзость!) трактовку политической ситуации в стране.

Весть об этой импровизированной «пресс-конференции» мгновенно облетела университет. В тот же вечер Алексееву позвонил декан: дескать, ты понимаешь, что натворил?! Над инициативным «не по чину» преподавателем нависла грозная туча. Расправа, однако, не успела свершиться: с того самого «исторического» пленума, который снимал Хрущева, возвратился первый секретарь

Новосибирского обкома Ф. С. Горячев и по заведенной традиции прежде других мест приехал в Академгородок: с настроением ученых партия была вынуждена считаться. Пригласительного билета на встречу с ним Вениамину Васильевичу не досталось, но он сумел-таки «просочиться»... Оказалось, что ученых интересовали те же самые (ну, процентов на 80 те же самые) вопросы, что и студентов. И многоопытный, владеющий самой конфиденциальной информацией член ЦК и Верховного Совета отвечал на них примерно так же, как проштрафившийся преподаватель. Таким образом, «состав преступления» Алексеева был «декриминализован», а кто бы мог напрямую упрекнуть преподавателя лишь за то, что он стал отвечать на вопросы студентов? Выходит, «идеологически выдержанные» старшие коллеги напрасно погорячились? Это бы еще полбеды; вероятно, больше их задело другое — что его «несанкционированная смелость» оттенила их собственную вошедшую в привычку трусость. Вот этого они ему

простить никак не могли! А Вениамин Васильевич вины за собой не числил, а потому ощущал вокруг себя на кафедре тягостную атмосферу отчужденности и недоброжелательности.

Неприятная коллизия, со временем утратив остроту, перешла в хроническую форму. Преподавательская работа становилась все менее привлекательной, а приглушенная было изначальная тяга к большой науке стала ощущаться все острее. И вот однажды ситуация разрешилась самым счастливым образом: вдруг сам А. П. Окладников пригласил Алексеева к себе на работу!

Это случилось в 1971 году, и Алексей Павлович уже был действительным членом Академии, а его Отделение было преобразовано в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. И вот директор этого института предложил кандидату наук В. В. Алексееву должность старшего научного сотрудника.

Надо ли объяснять, с какой готовностью Вениамин Васильевич согласился!

Погружение в Сибирь

Молодого ученого обычно принимают на работу в научное учреждение в надежде сформировать из него специалиста, который поддержит и продолжит ведущиеся здесь научные исследования. Но тридцатишестилетний доцент с девятилетним стажем преподавательской работы и почти завершенной докторской диссертацией под категорию молодого ученого уже не попадал, да и должность старшего научного сотрудника — не «молодежная». Специалистов такого уровня приглашают не для того, чтоб закрыть вакансию, а чтобы в чем-то изменить сложившийся профиль института — расширить, дополнить, обогатить научную тематику, внести в исследования какую-то свежую струю.

Однако знал ли Окладников Алексеева как специалиста? Разумеется, знал: ведь с момента переезда в Новосибирск он занимался не только наукой в своем отделении, а потом в институте, но и возглавлял кафедру всеобщей истории на гуманитарном факультете НГУ. Так что нет сомнений: приглашая к себе в штат Алексеева, академик А. П. Окладников имел на него вполне определенные виды.

Какие же именно?

Думаю, об этом можно судить по тому, как дальше развивались события.

Прошло примерно полгода — минимальное время на адаптацию нового человека в сложном коллективе, — и А. П. Окладников назначил В. В. Алексеева ученым секретарем института. Значит, ему был нужен рядом человек с уровнем мышления и эрудицией, позволяющими охватить многосложную научную проблематику института, энергичный, ответственный, четкий — абсолютно надежный — в организационных вопросах; в то же время и перспективный исследователь, чьи научные интересы органично вписались бы в стратегические планы института. Но, видимо, организатор ему в тот момент был все-таки нужнее, нежели исследователь, поэтому на ученого секретаря Алексеева сразу же свалилась такая нагрузка, что времени на завершение почти готовой докторской диссертации у него практически не было. Выручала невероятная работоспособность, и где-то года через два работа была завершена. Только теперь академик «расщедрился» — предоставил ученому секретарю трехнедельный отпуск, чтоб написать автореферат и оформить бумаги, необходимые для докторской защиты. Защита прошла успешно, но ждать утверждения в ВАКе пришлось что-то около года (такого рода чисто бюрократические проволочки случались тогда нередко). Но как только уведомление из ВАКа пришло — директор института буквально в тот же день назначил новоиспеченного доктора своим заместителем.

Тут бы к месту было заговорить о нещадной эксплуатации, да вряд ли сам герой очерка поддержал бы этот мотив: что там ни говори, а десять лет работы рядом с академиком А. П. Окладниковым (в 1981 году Алексей Павлович умер) для становления В. В. Алексеева как ученого и организатора науки оказались определяющими. Речь идет не о приобщении к научной школе, не о заимствовании и развитии научных идей: Окладников был, что называется, до мозга костей археологом, Алексеев же — историком современности, и за годы совместной работы ничего у них в этом плане не изменилось, они лишь единственный раз, если не ошибаюсь, выступили соавторами статьи, причем не столько исследовательского, сколько обзорного и мировоззренческого характера¹.

Прежде всего хочу обратить внимание на то, что для В. В. Алексеева значило работать заместителем А. П. Окладникова. Это была прекрасная школа научно-организационной рабо-

¹ Алексеев В. В., Окладников А. П. Сибирь // Развитие советской исторической науки (1970–1974). М., 1975.

ты — тем более эффективная, что директор-археолог ради исполнения административных обязанностей не пожертвовал ни одним полевым сезоном. Кончатся лекции в университете, майское солнце растопляет последние сугробы в лесу — и экспедиция академика А. П. Окладникова отправляется в очередную тьмутаракань, чтобы возвратиться уже где-нибудь к ноябрю. А дома, «на хозяйстве», остается на все эти 6–7 месяцев профессор Алексеев. И «хозяйство» это — более 30 одних лишь докторов наук по разным гуманитарным дисциплинам, а всех сотрудников — несколько сотен, и у каждого свои проблемы... Более суровой, но зато надежной школы для будущего создателя и руководителя академического института на Урале и вообразить невозможно (при том, что, конечно, ни о каком уральском институте никто тогда не помышлял).

Но не меньшее влияние выдающийся ученый оказал на своего младшего коллегу и в научном плане. Суть этого влияния я бы решил выразить тремя словами: *погружение в Сибирь*.

Дело в том, что Сибирь была присоединена к Российскому государству только в XVI–XVII веках; для населения коренной — европейской — части России она стала, по замечанию В. В. Алексеева, таким же «Новым Светом», как Америка после Колумба для европейских держав. Общественным мнением Сибирь всегда воспринималась как страна несметных богатств и неразведанных тайн; немногочисленные (в сопоставлении с бескрайней и труднопроходимой территорией) островки освоенного и изученного терялись здесь на фоне тысячекилометровых неведомых пространств и непостижимых тысячелетних исторических бездн. Труды первых историков Сибири изобило-

*Сибирь — страна великих тайн
и огромных возможностей*

А.П. Окладников

вали фантастическими домыслами и небылицами – вроде того, что платоновская Атлантида вовсе не была поглощена морскими водами, а затерялась в сибирской тайге где-то в районе Минусинска. Добросовестные исследователи более позднего времени рассматривали Сибирь не иначе как в зависимости от Центральной России – будто до прихода дружины Ермака там, как на Марсе, и жизни не было. Так и повелось истари: Сибирь – это подвиги «первопроходцев», это «валютная» пушнина, это место торговли и ссылки для государственных преступников, но также и вольные места для тех, кто хочет укрыться от закона или религиозного преследования; это свободные земли для расселения безземельных крестьян из центральных губерний; это дешевые хлеб и масло для экспорта в Европу; это, наконец, сибирские полки, таинственно появляющиеся в опасный для отечества момент как бы из морозного тумана, чтобы опрокинуть черную вражью силу и спасти Россию... Словом, Сибирь, как звучало в популярном некогда фильме, – «благословенный русский край, земля потомков Ермака». Даже знаменитая сентенция, гласящая, что «могущество России будет прирастать Сибирью», предполагает одностороннюю зависимость.

А. П. Окладников, посвятивший свою жизнь изучению первобытной культуры во всех ее проявлениях, раздвинул временные рамки сибирской истории на тысячелетия. Изучив петроглифы и писанцы на берегах Байкала и Ангары, верхней и средней Лены, в Горном Алтае и в низовьях Амура, в десятках иных заповедных мест, ученый пришел к неоспоримому выводу, что Сибирь «была заселена в некоторых местах не позже многих более благоприятных районов» и что ее история – «это неотъемлемая часть всемирной истории»¹. Неотъемлемая часть – значит, не механически добавленный блок, но активный участник общего процесса; не только приемник неких импульсов извне, но также источник импульсов, влияющих на окружающий мир.

Чтобы понять эти импульсы и роль их в общем процессе, историю Сибири следовало изучить. Ради возможности заняться этой крупномасштабной работой А. П. Окладников и решился оставить «северную столицу»; ради того им и создан был в составе СО АН СССР разнопрофильный коллектив ученых-гуманита-

¹ Окладников А.П. Пишется история Сибири. М.: Знание, 1967. С. 6, 7.

риев, перед которым сразу же была поставлена задача комплексного изучения процесса развития Сибири «во всем многообразии с древнейших времен до наших дней». Итогом этой работы стала академическая пятитомная «История Сибири», удостоенная в 1973 г. Государственной премии СССР.

Сразу скажу: принять участие в этой работе В. В. Алексееву не довелось — к его приходу в институт она была уже практически завершена. Но сложившийся в этой работе всеобъемлющий образ Сибири как самостоятельного субъекта всемирной истории составлял методологическую базу и давал импульс другим крупномасштабным проектам института, в реализации которых Вениамин Васильевич участвовал уже самым активным образом. Речь идет и о коллективных трудах, в которых он выступал как автор и научный редактор (исторический очерк «Индустриальное освоение Сибири», четырехтомная «История рабочего класса Сибири», двухтомник «Очерки русской литературы Сибири»), и о его авторском двухтомном исследовании «Электрификация Сибири», по материалам которого он в 1974 году защитил докторскую диссертацию. В этой масштабной работе им была сформулирована гипотеза о роли энергетического фактора в истории общества, у которой тут же обнаружились и горячие сторонники, и противники. Впоследствии она не раз «выплывала» в разных дискуссиях, а в 1991 году ее активно поддержали зарубежные коллеги в Брюсселе — на мировом конгрессе по сохранению индустриального наследия.

Говоря здесь об образе Сибири, я имею в виду не эмоциональное ощущение, не конкретно-чувственное представление, а научную — целостную, логически выверенную, концептуально завершенную — картину жизни Сибири от первобытности до наших дней. Вообще-то такая картина едва ли для любого сотрудника института, включая и научного лидера А. П. Окладникова, существовала как готовый результат проведенных исследований, которым надо было лишь воспользоваться. Для пушей наглядности я бы сравнил ее с так называемой физической картиной мира, которая включает в себя и всю сумму достоверных, экспериментально подтвержденных фактов, и взаимно исключающие гипотезы, и наблюдения, противоречащие общепринятым постулатам и требующие объяснения. Иными словами, речь идет о развивающемся знании, объединяющем единомышленников и порождающем между ними споры, суммирующем предшествующее движение науки и содержащем ядро еще не рожденных идей. В такой образ новому члену исследователь-

С китайским коллегой в Пекине

ского коллектива надо было «врасти», но, «врастая», он неминуемо должен был интерпретировать его на свой лад и, более того, повлиять на восприятие этого образа коллегами.

Образ Сибири в таком понимании примерно так же относится к истории Сибири, как исторический опыт к историческому знанию. Насколько важной и востребованной оказалась такая интерпретация со-

вершившихся событий, можно судить по одному характерному эпизоду из творческой биографии В. В. Алексеева.

В 1986 году профессор Алексеев в составе небольшой делегации советских историков участвовал в международной конференции «Россия и США во второй мировой войне», которая проходила в Вашингтоне. Он приехал туда с докладом «Сибирский тыл во время войны». Лед холодной войны к тому времени уже изрядно подтаял, но определенная напряженность во время контактов официальных представителей двух стран еще сохранялась. Только тем можно объяснить скандал, внезапно разразившийся на первом же заседании. Кто-то из американцев «неполиткорректно» пошутил, кому-то из наших стало «за державу обидно»... Руководитель советской делегации встал и объявил, что делегация покидает заседание. Встали и американцы. И тут раздался возмущенный голос Шейлы Фицпатрик — молодого, но уже известного советолога: «Вы расходитесь, а я всю ночь читала доклад профессора Алексеева, собиралась выступить...» И тогда председательствующий предложил компромисс: «Нельзя обижать женщину — пусть сделает доклад профессор Алексеев и пусть выступит Шейла Фицпатрик, а потом разойдемся». С ним согласились, нехотя возвратились на свои места, изобразили внимание.

Вениамин Васильевич чувствовал, что в этой аудитории и в такой психологической атмосфере тщательно отшлифованная «домашняя заготовка» не пройдет, требовался какой-то радикаль-

ный психологический ход. И он с такой же безоглядной отчаянностью, как когда-то в студенческой аудитории НГУ после низложения Хрущева, решился на экспромт. Это был эмоциональный взрыв! Выступившая вслед за ним Шейла поддержала предложенную тональность — и тут все забыли про недавнюю размолвку...

А когда бурное заседание завершилось, Алексеев пригласил к себе домой на ужин Джеймс Биллингтон — руководитель авторитетного советологического Вильсон-центра. Это была довольно многолюдная и по-американски непринужденная вечеринка. Кто-то уходил, кто-то приходил. И когда вечер был в самом разгаре, рядом с Вениамином Васильевичем обнаружился свободный стул. Через короткое время его занял вновь подошедший гость — как выяснилось, сенатор от штата Арканзас. Подойдя к Алексею, хозяин дома пошутил, что советскому гостю представилась редкая возможность вложить в голову американского сенатора все, что, по его мнению, тому нужно знать о Сибири. «Только, — предупредил Джеймс, — больше двух минут он вас слушать не будет».

Возвратившись в отель, Вениамин Васильевич долго не мог уснуть, переживая бурные события прошедшего дня. Между прочим, будоражило и шутовское напутствие Биллингтона: неужто они тут всерьез считают, что мирового значения Сибири хватает разве что на две минуты разговора?

И у него родился замысел рассказать о Сибири широкому западному читателю. Не весь комплекс исторического знания изложить (зачем им?), а воссоздать научный образ Сибири. Задумано — сделано. Вскоре В. В. Алексеевым была написана небольшая книга «Сибирь в панораме XX века». Издали ее поначалу в Москве на английском языке, но она вызвала столь широкий резонанс, что тут же была переведена на испанский, итальянский, немецкий, а также на языки стран, территориально близких Сибири — китайский, японский, корейский, вьетнамский... Как оценить эту работу? С одной стороны, для ее написания не потребовалось каких-то дополнительных исследований; в ней не содержалось принципиально новых идей по сравнению с теми, что были уже обнародованы в предшествующих публикациях ученого, так что ею он не шаг вперед сделал, а как бы подвел черту под прежними своими изысканиями. Но, с другой стороны, ее успех продемонстрировал плодотворность пройденного им до той поры пути: читателей заинтересовала тема, убедили подход и методология, увлекла сама манера доходчивого и яркого изложения сложных вещей.

Историки за круглым столом

И вот что стоит особо подчеркнуть: самим фактом своей востребованности эта книга обозначила новый уровень отношений между извечными идеологическими оппонентами — доказала возможность взаимопонимания. Ведь история, как порой говорят, — это политика, опрокинутая в прошлое. Она всегда была (и пусть «буржуазные» авторы не пытаются доказывать, что это к ним не относится!) самой политизированной из всех гуманитарных наук; таковой она остается и поныне. А уж на исходе холодной войны исследователям «классовых битв» и, скажем, сторонникам представления о естественном зарождении, развитии и угасании цивилизаций было просто не о чем друг с другом разговаривать. Однако множественность интерпретаций не отменяет единственности реального исторического процесса; различные же его толкования (если не брать в расчет откровенные профанации, которые достаточно легко распознаются) — это не произвольные измышления праздного ума, а проекции одной и той же реальности на «экраны» разных мировоззренческих систем. Высокомерно игнорировать мнение оппонентов — значит, заведомо обрекать себя на односторонний, плоский подход; такая позиция не имеет ничего общего ни с научной, ни с идейной принципиальностью, имя ей — догматизм.

И своим выступлением на вашингтонской конференции, и книгой, рассчитанной на широкого зарубежного читателя, В. В. Алексеев показал, сколь успешно можно вести диалог со специалистами, стоящими на иной мировоззренческой

позиции, если стремиться не к конфронтации, а к взаимопониманию. И вот эта его готовность и способность к диалогу в сочетании с основательнейшей эрудицией в вопросах, живо интересующих западных специалистов, но недостаточно ими изученных, сделали российского историка желанным участником международных конференций. После той памятной поездки Вениамин Васильевич побывал на форумах историков в десятках городов Запада и Востока: в Париже, Брюсселе, Мадриде, Ноттингеме, Монреале, Торонто, Вене, Осло, Варне, Риме, Пекине и многих других.

Однако надвинувшиеся вскоре события в своей стране показали, что не менее важно и умение вести диалог, скажем так, с отечественным прошлым. Дело в том, что «перестройка» и «реформы» поставили под сомнение и обрекли «на слом» — как ненужный хлам — гигантское научное наследие нескольких поколений советских историков. В. В. Алексеев не отрицает, что влияние идеологических установок сказывалось на работе этих ученых, но он считает, что было бы непростительной ошибкой это влияние преувеличивать и на том основании отказываться от огромного массива достоверных знаний, накопленных советской исторической наукой; что было бы безумным расточительством не использовать накопленный в этой области знания интеллектуальный потенциал и ожидать неведомо откуда появления «новых» историков, свободных от влияния прежних идеологических догм. В сущности, опыт диалога с прошлым уже есть в книге «Сибирь в панораме XX века», и это еще одна причина широкого читательского резонанса, который она вызвала.

Таким образом, ко второй половине 1980-х годов новосибирский историк В. В. Алексеев, живущий в ритме знаменитого Академгородка, незадолго перед тем отметивший свой полувековой юбилей, вполне сформировался как крупный ученый. У него был свой фронт исследований и свой научный почерк, были многочисленные публикации и готовые следовать за учителем ученики, была международная известность и авторитет в научных кругах. А еще были большой научно-организационный опыт, неисчерпаемая энергия и не утраченная с годами гибкость мышления, позволяющая воспринимать и ценить свежую мысль, нестандартный подход и новые стратегические цели.

Иными словами, Вениамин Васильевич во всех отношениях уже готов был к тому, чтобы сделать шаг на новую, более высокую ступень научно-организационной деятельности. Но никаких таких шагов не предвиделось, да они ему были и не нужны: его

научная работа была интересной и насыщенной, семейный быт устроен — чего еще желать?

На дворе уже был январь 1988 года...

Неожиданный звонок из Свердловска круто повернул линию судьбы.

Новый виток спирали

Звонил академик Г. А. Месяц, председатель УрО АН СССР. Раньше они не были знакомы, хотя оба многие годы работали в системе Сибирского отделения АН СССР. Они в Сибири даже и не встречались, потому что жили в разных городах, а научные специальности у них были практически не перекрещивающиеся.

Тем не менее Геннадий Андреевич, уже два года к тому времени работавший на Урале, позвонил Вениамину Васильевичу домой и в своей обычной манере, то есть не тратя времени на дипломатические экзерсисы, кратко изложил суть дела: дескать, мы здесь в Свердловске, в рамках формирующегося Уральского отделения, создаем два института гуманитарного профиля, один из них возглавит известный в стране юрист, ваш однофамилец, а второй — истории и археологии — предлагаю создать и возглавить вам.

Вениамину Васильевичу надо бы ответить немедленным отказом, но предложение было столь неожиданным, что он на мгновение утратил дар речи, а Геннадий Андреевич, специалист по наносекундным импульсам, воспользовался кратчайшей паузой — предложил подумать, попрощался и положил трубку.

Ну, не было у профессора Алексеева никакого резона принимать предложение Месяца! Он и не собирался этого делать. Но из-за плотной занятости допустил оплошность: не позвонил в Свердловск ни на другой, ни на третий день. Увы, он еще не знал академика Месяца! То ли на четвертый, то ли на пятый день позвонили из приемной председателя УрО АН СССР: что ж вы, дескать, товарищ профессор, Геннадию Андреевичу так долго не звоните? Теперь уж по телефону и неудобно, приезжайте.

Прилетел он в Свердловск, его сразу же препроводили в кабинет Г. А. Месяца. Вениамин Васильевич обратил внимание, что на столе у хозяина кабинета лежит стопа его, Алексеева, книг: выходит, ждал, готовился. Месяц поднялся навстречу, радушно улыбнулся, протянул руку:

— А-а-а, наконец-то! Ну, я рад, что вы решились. Так-так-так... У вас там, в Академгородке, какая квартира? Ну, здесь вы получите такую же.

Тут же снял трубку и стал звонить В. В. Андрианову — секретарю обкома, курировавшему науку:

— Владимир Владимирович? Мы сейчас разговариваем с профессором Алексеевым из Новосибирска, который согласился стать директором нашего Института истории и археологии. Хочу вам его представить и заодно решить некоторые вопросы... Завтра? Нет, завтра не могу — улетаю в Москву.

Словом, через полчаса они сидели в «Белом доме» у Андрианова, и идти на попятную не представлялось уже никакой возможности...

Можно только догадываться, с какими чувствами Вениамин Васильевич, удивляясь самому себе, возвращался домой — в нешумный, ухоженный, уютный Академгородок, где так успешно, плодотворно шли его дела в институте, где обжитая квартира, налаженная жизнь семьи, а до места работы жены и места учебы сына и дочери — несколько шагов пешком. И можно себе представить, как встретили домашние весть о том, что все это теперь придется ломать...

Между тем события разворачивались стремительно: 1 февраля 1988 года Президиум УрО АН СССР принял решение об учреждении института, 22 февраля Вениамина Васильевича утвердили в должности директора, а уже в начале марта он занялся практической работой по созданию института.

Первые трудности, с которыми начинающий директор столкнулся, были связаны с формированием научного коллектива. Чтобы читатель лучше понял ситуацию, надо пояснить, что идея создания на Урале академического института истории возникала и до того, как здесь появился Г. А. Месяц. Впервые предложение

о том было высказано в письме секретаря Свердловского обкома ВКП(б) В. А. Андрианова¹ на имя секретаря ЦК Г. М. Маленкова еще в январе 1944 г.² Тогда не получилось, но проблема осталась. Его решение перешло в практическую плоскость только в 1978 году, когда в Институте экономики УНЦ был создан сектор истории во главе с профессором А. В. Бакуниным, возглавлявшим прежде в знаменитом УПИ в течение пятнадцати лет кафедру истории КПСС. Года через два сектор был преобразован в отдел. Отдел проводил исследования достаточно широким фронтом, в том числе шла активная работа над созданием пятитомной «Истории Урала», выходили монографии по истории партийных организаций, уральского комсомола, профсоюзов. Это сейчас историко-партийный уклон вызывает, ну, скажем мягко, недоумение, а во времена «дорогого Леонида Ильича» власти видели в исследованиях такого рода способ укрепления слабых идеологических устоев советского общества. Свердловская областная парторганизация во главе с верным ленинцем Б. Н. Ельциным считалась оплотом надежности строя и историко-партийные исследования всячески поощряла. В начале 1980-х годов заговорили о преобразовании отдела в институт или хотя бы в филиал московского Института марксизма-ленинизма. Ельцин эту идею поддержал, но вскоре уехал в Москву, идея осталась нереализованной.

Должен оговориться: среди историков партии были серьезные специалисты, прекрасно владеющие исследовательским инструментарием, прилежно изучившие архивы и знающие много такого, что широкой публике знать не позволялось. Поэтому в приватном кругу они отнюдь не были догматиками, однако в общественных проявлениях та же искушенность побуждала их быть осторожными — «не надо лезть на рожон». Так что на вузовских кафедрах Свердловска можно было найти, по меньшей мере, человек десять авторитетных профессоров-историков, потративших десятилетия на изучение истории Урала — любой из них хорошо «смотрелся бы» на должности директора нового академического института...

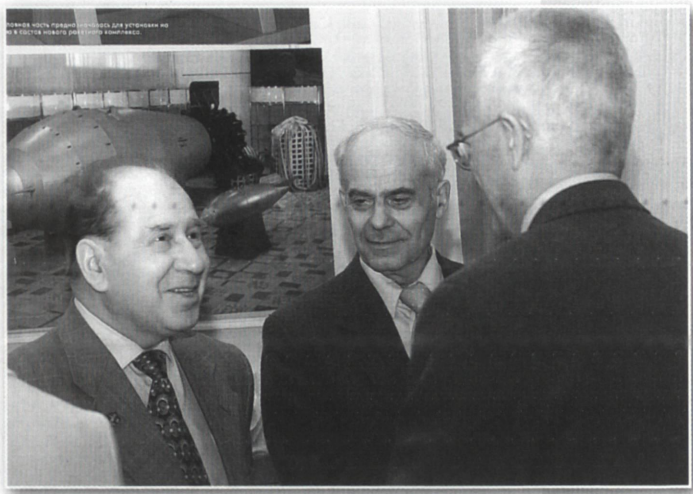
Понятно, что в такой ситуации назначение директором института «варяга», который прежде занимался историей Сибири и, стало быть, Урала не знает; который, к тому же, привез с собой команду ближайших сподвижников — тоже сибиряков по направленности научных интересов (Е. Т. Артемов, К. И. Зубков, Н. А. Миненко,

¹ Примечание для внимательного читателя: это был, разумеется, не тот Андрианов, который упоминался несколькими строчками выше.

² Рубежи созидания. С. 144.

И. В. Побережников, В. П. Тимошенко и др.), — у местной научной общественности вызвало недоумение и даже, что скрывать, обиду.

Теперь-то, более двух десятилетий спустя, решение Г. А. Месяца представляется абсолютно прозрачным, оправданным и на ту пору, может быть, единственно продуктивным. Став руководителем УНЦ, он видел свою задачу в том, чтобы радикально изменить

На открытии фотовыставки в Доме ученых

роль науки в жизни Урала: из особой отрасли народного хозяйства *наряду* с другими отраслями превратить ее в *базу для всех* других отраслей — в эффективный инструмент научно-технического и, как следствие, экономического развития региона. При советской — централизованной и контролируемой государством — системе организации хозяйства такая задача казалась реальной (и, между прочим, программа ее решения непременно должна была включать гуманитарный блок). Г. А. Месяц имел совершенно четкое представление о том, как реализовать эту программу: для него образцом (чего он не скрывал) был опыт Сибирского отделения АН СССР, которое создавалось практически на его глазах и за очень короткий срок стало по всем параметрам лидировать в структурах «большой» Академии.

Что касается естественных наук и математики на Урале — к ученым этих направлений у Геннадия Андреевича не было претензий, но его совершенно не устраивал (о чем он открыто говорил) стиль работы УНЦ, который, по его словам, «оставался практически старым, таким, каким он был в 30–40-х годах»; в частности, академик отмечал такую особенность уральских научных учреждений, как «нежелание или боязнь участвовать на первых ролях в больших программах национального и международного масштаба»¹. Именно с этим связана его идея преобразования УНЦ в УрО Академии по образцу Сибирского отделения.

¹ Месяц Г. А. О нашей науке: Мечты и реальность. С. 59.

На опыт сибиряков Г. А. Месяц ориентировался и тогда, когда с первых же шагов на Урале стал говорить о необходимости компенсировать однобокость уральской академической науки развитием гуманитарных направлений. Эта мысль прозвучала и в его докладе на выездном заседании президиума АН СССР в Свердловске, когда решался вопрос о реорганизации уральской науки. Она была поддержана в принятом тогда постановлении. Очевидно, что к вызревавшим здесь прежде планам поднять статус отделения истории Института экономики до уровня самостоятельного института этот замысел не имел отношения, а исследовательский и кадровый «багаж» отделения истории Института экономики в качестве «строительного материала» для академического института истории академика Месяца никак не устраивал.

В такой ситуации практические шаги руководителя формирующегося Уральского отделения выглядят совершенно логичными: он решает сверхзадачу «омоложения» уральской науки «вживлением» в структуры здешних научных учреждений «молодых клеток» от организма, функционирующего в более энергичном режиме.

Так родилась идея поручить создание Института истории многоопытному и энергичному профессору из новосибирского Академгородка. Президиум отделения поддержал ее единогласно — за два года ученые научились достаточно хорошо понимать своего лидера. А «широкую общественность» можно было убедить только практическими результатами.

И вот тут директора Алексеева ждали почти неодолимые испытания.

Прежде всего, у новоиспеченного института не было помещения.

Вообще-то партийная власть оказалась «щедра»: поддержав решение о создании института, ему выделили почти дворец — хорошо известный горожанам «малый Рязановский дом» по улице Куйбышева. При этом, однако, не было учтено, что некогда роскошный — ампи́рный! — купеческий особняк первой половины XIX века на протяжении семи десятилетий советской власти использовался как коммунальное жилье; за все это время он, наверно, ни разу не ремонтировался, в нем не было ни центрального отопления, ни водопровода, а прогнившие деревянные перекрытия готовы были вот-вот обрушиться. На восстановление архитектурного раритета у только что учрежденного института, конечно, не было ни времени, ни денег. (К слову, после того особняк еще долго пустовал, превращаясь в безнадежные руины, но сравнительно

недавно за его восстановление для церковных нужд взялась Екатеринбургская митрополия. Но это уже за пределами нашей темы.) Когда все это выяснилось, власти в авральном порядке подыскивали другой вариант — увы, не намного лучший: выделили для института какой-то жуткий подвал на улице Бажова... Борьба за пристойное помещение продолжалась до конца года — лишь в декабре удалось вселиться — имея законный ордер и все же буквально силой отеснив других претендентов, — в импозантный, хотя тоже изрядно запущенный, особняк («усадьба Железнова»), который институт занимал до недавнего времени. В конце концов неизбежный ремонт заставил и оттуда съехать; нынче институт обживает помещение в новом здании, построенном самим Уральским отделением Академии.

Но, возможно, самые большие трудности, с которыми пришлось столкнуться институту в процессе становления, носили, так сказать, методологический характер. Приведу хотя бы такой пример. Как я уже говорил, отдел истории, кадровый и научный потенциал которого предстояло использовать при создании нового института, работал над пятитомной «Историей Урала». Два тома (с древнейших времен до начала XX века) к моменту реорганизации были уже практически завершены. Сибирякам, прошедшим школу в институте Академгородка, концептуальная основа этого фундаментального труда показалась архаичной, однако впечатлял огромный массив исторических фактов, извлеченных трудолюбивыми авторами из архивных документов. Тома были изданы под эгидой института в 1989 и 1990 годах. А вот третий том — там уже пошли революционные дела — В. В. Алексеев издавать отказался. Была прекращена — вви-

Дом Железнова, в котором с 1989 по 2012 год размещался Институт истории и археологии УрО РАН

ду очевидной бесперспективности — и работа над двумя заключительными томами. Понятно, что та же печальная участь постигла и исследования истории партийных организаций, комсомола, другие начинания подобного же рода. Конечно, укреплению взаимопонимания между «аборигенами» и «варягами» эта ломка исследовательских планов не способствовала...

Человек несведущий может подумать, что сибиряки оказались более восприимчивыми к переменчивым ветрам времени. Сразу подчеркну главное: применительно к герою этого очерка проблема конъюнктуры — это проблема не ориентации по ветру, а научной квалификации. Кто-то другой может искать личную выгоду, приспособляясь к изменившейся общественно-политической ситуации, а для историка современности, центральное место в научном инструментарии которого занимает категория исторического опыта, именно сама эта ситуация является объектом научного осмысления.

Что греха таить: отношения между «старой свердловской гвардией» и представителями сибирской школы поначалу были отнюдь не безоблачными. Случались обиды, недопонимание. Ах, да если б дело сводилось к тому, чтоб сохранить «погоду в доме»!.. В несогласиях житейских дипломатичная умеренность всегда на пользу, и Вениамин Васильевич, опытный руководитель и «общественный» человек, при необходимости умеет обходить острые углы. Но он бескомпромиссен, когда выясняются отношения, от которых зависит эффективность общей научной работы. В науке расплывчатость позиции равноценна интеллектуальной трусости; люди, не решающиеся сделать однозначный вывод, если он диктуется логикой анализа, академиками, насколько я мог заметить, не становятся.

В сущности, в неприятии архаичных приемов описания исторических событий с оглядкой на «соцзаказ» прежде всего и проявилось влияние новой методологии, которую принесла с собой на Урал сибирская команда. Эта методология послужила основой для формирования программы научных исследований, которая оказалась востребованной в «новые времена» и помогла новому институту не только успешно перешагнуть через идеологический рубеж, разделяющий «век нынешний и век минувший», но и сохранить, приобщив к серьезной проблематике, квалифицированные кадры, в свое время отдавшие дань историко-партийным разысканиям; помогла сплотить научный коллектив.

«Не в стороне от столбовой дороги»

Самые острые столкновения, которые случались в формирующемся коллективе, касались отношения к недавнему прошлому страны. Отношение к советскому социализму — вообще одна из ключевых проблем новейшей российской, да и всей мировой истории. А для В. В. Алексеева, который возглавил академический институт истории на самом изломе эпох, она во многом оказалась и личной проблемой.

Вениамин Васильевич никогда — ни при советской власти, ни после ее падения не был апологетом советского социализма. Ученый, чья жизнь начиналась в уголке России, еще более удаленном от цивилизации, чем каторжные Шилка и Нерчинск, просто не мог не заметить, не мог на себе не почувствовать, как трудно жил народ. Тем более что пора взросления героя нашего очерка пришлось на военные и первые послевоенные годы.

Но его же собственная судьба красноречивее любых аргументов, на которые не скупятся обличители «тоталитаризма», доказывает, что советское прошлое не было историческим провалом. Его головокружительный взлет из медвежьего (не в метафорическом, а в прямом смысле слова) уголка Сибири к высотам мировой науки стал возможен лишь потому, что престиж научного поприща в общественном мнении в пору молодости Вениамина Васильевича был чрезвычайно высок, а небогатое и неблагоустроенное государство, при всех его перекосах и дефицитах, считало все-таки первостепенно важным, чтобы молодые люди, проявившие склонность к наукам, могли беспрепятственно учиться и достигать любых высот, соразмерных их одаренности, даже если родители не имели возможности поддержать их ни весомостью своего общественного положения, ни толщиной кошелька. Это ли не предметный урок для нынешних «реформаторов» образования, впрочем, упорно не желающих ему внимать?

При этом В. В. Алексеев вовсе не считает свою судьбу исключительной. Помню, с каким пиететом в одном из публичных выступлениях он говорил о великом конструкторе ракет Л. В. Люльеве — выходеце из самых, как некогда говорилось, народных низов. А не такова ли судьба академика Г. А. Месяца — «сына репрессированного», «изгоя», ставшего одним из самых выдающихся ученых-физиков наших дней? Подобных примеров много, и Вениамин Васильевич как-то обобщил: без талантливых самородков

В конференц-зале института

из гущи народа, востребованных обществом, энергично стремящихся «вперед и выше», просто не было бы выдающихся достижений науки и техники советских десятилетий.

Что же касается этих достижений — о них В. В. Алексеев судит не предположительно и не с чужих слов. Его путь в большую науку начинался с исследования истории электрификации Восточной Сибири, потом он выпустил книгу, посвященную истории электрификации Западной Сибири, издал обобщающий двухтомник «Электрификация Сибири», основные идеи которого стали базой для его докторской диссертации. Вслед за тем увидели свет книги о великой сибирской нефтегазовой эпопее, об исторической демографии региона и множество других публикаций этого плана.

Проторив эти подходы, ученый вышел к обширной проблематике освоения Сибири, исследовать которую он принялся уже вместе со своими сподвижниками и учениками. Эти исследования начались еще в советские времена и продолжают поныне, поскольку никакие социально-экономические и политические перемены, никакая смена идеологических ориентиров не опровергли тот факт, что целенаправленные усилия советской власти лежали в русле тех же самых народнохозяйственных тенденций, что сформировались еще до революции, причем не по прихоти тех или иных государственных деятелей, а в силу естественной необходимости и самих сибирских территорий, и всего российского государства.

Строительство Иркутской и Братской ГЭС вслед за Транссибом; индустриализация Сибири вслед за освоением ее хлебородных земель; использование огромных природных и человеческих ресурсов Азиатской России для укрепления мощи всего Российского государства — все это вместе образует ту беспримерной широты историческую панораму, с которой В. В. Алексеев соотносит любое исследуемое им событие, и такой подход позволяет ему, как говорит сам ученый, «подняться над суетностью политических страстей современности, отказаться от модных “измов” и обратиться к конкретике исторического процесса».

Между тем, если обозреть отечественную историю с этой высоты, то все перипетии движения России по ухабам истории трех последних веков — бунты, революции, реакции, застои, реформы — вполне вписываются в неотвратимый, как превращение куколки в бабочку, мировой процесс модернизации.

Модернизация — еще одно (наряду с *историческим опытом*) ключевое понятие научной парадигмы В. В. Алексеева. Означает оно, в его трактовке, крупномасштабный и не вписывающийся в рамки традиционных политических и экономических категорий цивилизационный сдвиг — «переход от традиционного, патриархального, аграрного общества к современному, индустриальному, городскому»¹.

В Европе этот процесс начался 500 лет назад, у нас, в силу определенных исторических и геополитических причин, — лет на 200 позже, да и то с оглядкой на Европу. Съездил «необузданный» (по впечатлению одного из его английских собеседников) московский царь Петр в Германию, Англию, Голландию — и, возвратившись, начал самым варварским способом перекраивать русскую жизнь на западный манер. Было ли это благом для страны? Мнения на этот счет до сих пор расходятся. Тем более что и самому Западу модернизация принесла не только благо. Так или иначе, за двести лет с начала реформ Петра Россия догнать Запад не смогла; к началу XX века, будучи крупнейшей по территории и одной из самых крупных по численности населения страной, она по объему промышленного производства отставала от наиболее развитых стран Европы в 4–6 раз, а от США — в 14,3 раза². «Сложившееся положение, — пишет В. В. Алексеев, — кардинально не изменили реформы С. Ю. Витте, тем более П. А. Столыпина. В итоге Россия вступила в двадцатое столетие не только

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 274.

² Там же. С. 275.

со слаборазвитой индустрией, но и без определенных перспектив ее будущего»¹. Эта отсталость послужила главной причиной поражения России в Русско-японской войне; с ней же ученый связывает и катаклизмы трех русских революций, традиционно выделяемых историками, — 1905–1907 годов, февральской и октябрьской 1917 года.

Революциями они, однако, по мнению В. В. Алексеева, считаются на основании чисто внешнего признака — насильственного перехода власти от одной политической силы к другой. (Впрочем, и по этому признаку первая русская революция, строго говоря, таковой не явилась, поскольку после всех потрясений власть осталась в руках тех, кому она прежде и принадлежала. В этом смысле переворот 1991 года, приведший к резкому изменению экономического строя и всего государственного устройства, с большим правом может называться революцией.) Но если принимать во внимание истинные причины, их породившие, и цели, которых они — объективно — должны были достигнуть, то ни одна из трех русских революций начала прошлого века не получила должного завершения, что и привело, как считает историк, к почти вековому перманентному революционному процессу.

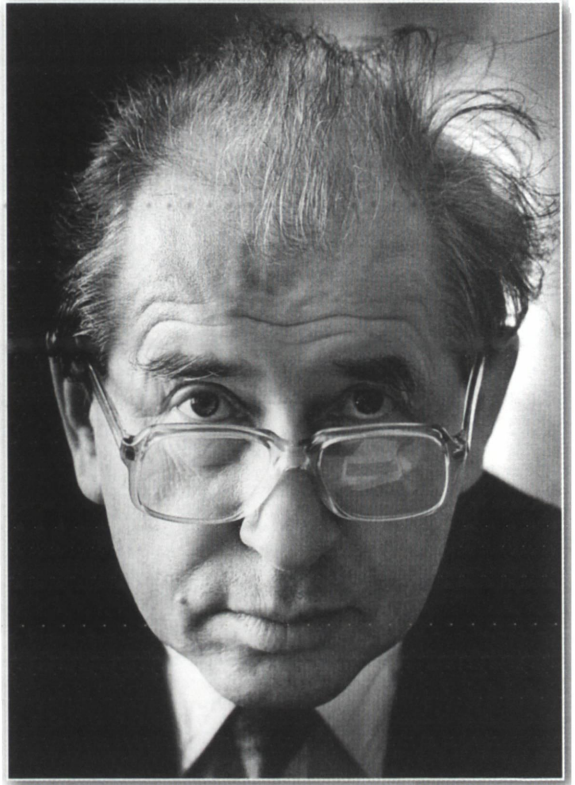
Такой подход чрезвычайно плодотворен для осмысления исторического опыта столь бурно прожитого нами XX века. Прежде всего, он дает основания решительно оспорить главный постулат либерально-рыночной идеологии, послуживший моральным оправданием «шоковой терапии», якобы сулящей оздоровление российской экономики: мол, большевистская революция увела Россию с того единственно верного пути, которым идет все цивилизованное человечество. Взялись строить социализм — затея закончилась провалом; цивилизованные же страны в это время осваивали передовые технологии и поднимали уровень жизни, а Советский Союз оказался на обочине современной цивилизации. «Однако это далеко не так, — возражает либералам В. В. Алексеев. — Социализм действительно не состоялся, но совершилась модернизация страны, которая перешла от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, — процесс, характерный для многих передовых государств мира. Иначе мы не смогли бы победить фашизм во Второй мировой войне и сохранить независимость в условиях войны “холодной” <...> если рассматривать Россию с позиций цивилизационного подхода, она не оказалась в стороне от столбовой дороги

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 276.

прогресса, хотя и шла к нему не традиционным путем»¹.

«Вообще, — размышляет историк, — еще предстоит предпринять значительные шаги по теоретическому размежеванию таких феноменов, как модернизация, капитализм, социализм <...> Модернизационный процесс сам по себе относительно независим от капитализма и социализма, то есть он может протекать как в капиталистическом, так и в социалистическом контексте, что, конечно, не снимает вопроса о социокультурной цене использования “капиталистических” и “социалистических” методов модернизации, а также об их экономической и организационной эффективности»².

Социалистическое устройство экономики позволяет мобилизовать все национальные ресурсы для решения той или иной конкретной задачи, что делает «социалистический» метод модернизации чрезвычайно эффективным, в то же время известно, какую непомерную — безусловно, неприемлемую! — цену заплатил народ за успехи «социалистической индустриализации» (между тем как индустриализация еще не решает всех проблем модернизации). Но и «капиталистическая» модернизация имеет свои изъяны, вполне сопоставимые по масштабам с негативными последствиями модернизации «социалистической». Это особенно очевидно сегодня, когда лидеры «сверхпотребления» безоглядно и безответственно транжируют невозполнимые природные ресурсы и загрязняют среду обитания, при этом бóльшая часть человечества доведена до крайней степени нищеты и унижения и мстит тем, кто пребывает в самодовольной сытости, «бессмысленным и беспощадным» террором; апокалипсическую картину довершает нарастающая волна

¹ Алексеев В. Двадцатый век на весах истории. // Наука и жизнь. 2005, № 9. С. 39-40.

² Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 268-269.

С. Ж. И. Алферовым

природных катастроф, которые даже атеистами начинают уже восприниматься как небесная кара, назначенная человечеству за алчность и безрассудство.

Так что модернизация необходима, а выбирать вроде как не из чего...

Да выбирать-то, по Алексеву, и не надо — надо просто осмыслить опыт истории и добросовестно руководствоваться им, организуя экономическую и политическую жизнь общества. Самый больной и убедительный пример игнорирования исторического опыта — наши безграмотные «реформы». Их инициаторы (если они, конечно, действительно хотели вывести страну из застоя, а

не преследовали иные, публично не афишируемые цели) должны были понимать, что первопричиной российских проблем является не социализм как таковой, а давно назревшая, неоднократно предпринимавшаяся раньше, но так и не завершенная модернизация. Следовало мобилизовать силы общества на ее завершение (чем, между прочим, с большим успехом занимался в последние тридцать лет Китай). Но «возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала государства»¹. Если к 1985 году промышленная продукция СССР составляла около 85 % от американской, то к середине 90-х годов этот уровень не дотягивал до 20 %.² При этом показатели качества жизни подавляющего большинства населения страны упали катастрофически. Такой вот получился «выход на столбовую дорогу»; вот так история «проучивает за невежество и пренебрежение» (помните это жесткое предупреждение В. О. Ключевского?).

Сегодня плачевные итоги авантюрных «реформ» не смеют оправдывать даже их инициаторы, хотя, естественно, своей вины в постигшей страну катастрофе они не признают. А в ту

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 288.
Там же. С. 285, 288.

пору, когда привычный миропорядок рушился и одна часть общества связывала с этой ломкой все свои надежды на будущее, а другая часть видела в ней крушение всего, на что была потрачена предыдущая жизнь, общественное мнение было крайне противоречиво и неустойчиво, к трезвым голосам никто не прислушивался, митинговые страсти подавляли рассудок. Катаклизмы потрясали всю страну, но в Свердловске — «колыбели великой капиталистической революции» — амплитуда колебаний социальной почвы была шире, чем даже в столицах.

И как раз на те годы пришелся период становления академического Института истории и археологии. Причем надо учесть, что в коллективе работали и ветераны, воспринимавшие прошлое только в привычной парадигме истории КПСС, и молодые радикалы, готовые отбросить как ненужный хлам все то, в чем распаленное воображение могло усмотреть «апологетику тоталитаризма». Обуздать разгул деструктивных страстей и направить интеллектуальную энергию коллектива в русло созидания было невозможно, дипломатично лавируя между «нашими» и «вашими»; тут годился только один путь — безупречная методология, предельная честность и добросовестность (несовместимая с конъюнктурностью) в отношении к историческим фактам и широкий фронт исследований, поскольку лучше всего взаимное понимание и доверие приходят в совместной работе.

Профессор В. В. Алексеев успешно выдержал экзамен на лидерство в это переломное время. Спустя год после учреждения созданный и руководимый им институт имел четкую структуру, квалифицированный и работоспособный коллектив — в его составе уже было 5 докторов и 20 кандидатов наук...

К слову, в последующие годы научный потенциал института стремительно рос, так что сейчас в его штате уже 20 докторов (не считая совместителей), кандидатов наук около сорока (это число подвижное: постоянно кто-то из кандидатов защищает докторскую, а кто-то из молодых сотрудников защищает кандидатскую), один академик и один член-корреспондент РАН. А ведь за это время немалое число ученых, выросших в институте, ушли в вузы.

Конечно, стабилизация и рост института — результат продуманных и энергичных организационных усилий его руководителя, однако не «менеджера» (как принято нынче говорить), будто бы годного на все случаи жизни, а ученого, блестящего организатора науки. Дело в том, что профессор В. В. Алексеев с первых же шагов предложил коллективу положить в основу работы

института целевую научно-исследовательскую программу «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)». Программы не было — ее следовало разработать с таким расчетом, чтобы были учтены научные интересы каждого сотрудника и в то же время четко просматривались параметры объединяющего всех проблемного поля и перспективная цель. Сама разработка программы стала организующим и мобилизующим фактором; в первый же год на базе института была проведена представительная Уральская конференция историков, способствовавшая установлению широких творческих связей нового научного подразделения с историками всего уральского региона. Словом, как и положено по классическим законам социальной психологии, взаимопонимание, доверие, осознание общих целей пришло в эффективном совместном труде по изучению истории Уральского региона.

Простые истины регионализма

Земная цивилизация никогда не была однородна: большие и не очень большие сообщества людей во все времена сталкивались между собой в своих притязаниях на определенные территории, при этом кто-то, молодой и пассионарный, расширял сферу своего господства, а кто-то другой вынужден был отступать; создавались и рушились царства и империи; одни народы собирали дань с поверженных противников и богатели, другие либо ассимилировались в сообществе победителей, либо прилагали усилия к тому, чтобы избавиться от унижительной опеки, и, случалось, прогадывали... И по сей день существует множество исторически сложившихся факторов — и «центробежных», удерживающих разнородные социально-территориальные образования в рамках унитарного или федеративного государства, и «центростремительных», заставляющих их бороться за автономию или полную независимость. Причем те и другие действуют, хоть с разной (и меняющейся в зависимости от конкретных условий) силой, но одновременно, очень усложняя тем самым задачу управления и государствами, и входящими в них регионами.

Жесткая централизованность и Российской империи, и советского государства, подкреплявшаяся в случае возникновения противоречий между периферийными территориями и центральной властью самыми беспощадными репрессиями, чрезвычайно

упрощала проблему регионализма; псевдодемократический переворот начала 1990-х годов представил полярный по смыслу, но столь же упрощенный вариант ее решения: берите, мол, суверенитета столько, сколько сможете проглотить. Поэтому, когда Россию потряс «парад суверенитетов», центральная власть спохватилась и, опасаясь полного распада государства, но не имея позитивной программы действий, вынуждена была прибегнуть к силовым методам. В одних случаях (к примеру, в провозглашенной, но так и не состоявшейся Уральской республике) дело ограничилось лишь крупными неприятностями для областного начальства, в других же развитие событий приняло гораздо более драматический и даже трагический оборот. Проблема регионализма приобрела непредвиденную для страны актуальность и остроту.

Надо, впрочем, оговориться, что когда в Институте истории и археологии разрабатывалась программа «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)», то даже о скором распаде СССР еще никто не догадывался, так что программа эта вовсе не имела в виду грядущие политические катаклизмы. Большинство поддержавших ее уральских историков воспринимали ее в русле той традиционной задачи изучения истории своего края, которую еще в начале 1980-х годов признавал и готов был поддержать первый секретарь обкома КПСС Б. Н. Ельцин. Но привлекательность ее была уже в том, что она позволяла соединить историографический опыт уральцев с методологической оснащенностью сибиряков, представить в едином контексте исследования разных эпох, раскрывала для становящегося института единый фронт исследований.

Однако «краеведческий» аспект менее всего интересовал инициатора и научного руководителя программы В. В. Алексеева. В разработанной им пояснительной записке подчеркивалось, что особенность замысла — в извлечении исторического опыта, а ракурс изучения опыта задается современной ситуацией. То есть прямой выход на актуальную общественно-политическую проблематику предусматривался с самого начала. А итогом всей работы должно было стать «получение знаний, обеспечивающих повышение обоснованности решений в сфере управления демографическими, социально-экономическими, политическими, культурными и др. процессами»¹.

Такая программа исследований региональных проблем прежде никем в стране не предлагалась, к тому же интерес к ней воз-

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 181.

растал по мере обострения обстановки в стране. Для бывших советских людей, привыкших жить по единому народнохозяйственному плану, разработанному и претворяемому в жизнь под мудрым руководством кремлевских властей, и успешность личной карьеры оценивающих движением по иерархической лестнице, нижние ступеньки которой теряются где-то в болоте провинциальной жизни, а верхние уходят в заоблачные столичные выси, — для этих, повторяю, людей настоящим откровением становилась порой простая мысль о том, что Урал был заселен задолго до появления Москвы; что от социального самочувствия какого-нибудь фрезеровщика с Уралмаша или сварщика с Уралвагонзавода напрямую зависит, насколько он будет заинтересован в том, чтобы «своим ударным трудом крепить мощь страны» и авторитет тех же московских властей.

Или вот — совсем другой мотив: советская пропаганда искусственно воздвигала, скажем вслед за В. В. Алексеевым, «барьер между феодально-капиталистической и социалистической индустриализацией Урала», а между тем «это был единый исторически обусловленный процесс, на примере которого ярко прослеживается последовательная эволюция технологического способа производства со всеми социальными и экологическими следствиями, которые легко коррелируются с историческим опытом классических индустриальных районов мира, таких как германский Рур и американские Аппалачи»¹. Совсем другой, как видите, контекст для осмысления наших «великих свершений»!

Если бы в основу государственной политики в отношении регионов была положена не непостижимая мудрость столичных небожителей, а признание права каждого региона иметь свои интересы и благоустраивать жизнь на месте, гордясь этим местом — единственным таким на земле! — и отнюдь не стремясь сменить его на «более престижное», — жизнь в стране складывалась бы совсем по-другому. При этом, конечно же, речь идет не о пресловутом сепаратизме — жизненная важность межрегиональных связей хорошо понималась даже на уровне обыденного сознания еще в советские времена: намерение «строить коммунизм на своем приусадебном участке» народная молва высмеивала как очевидную глупость.

Вот такие истины складывающейся команде В. В. Алексева пришлось открывать практически заново, представляя их, однако, обществу в виде не отвлеченных сентенций, а исторического

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 191.

опыта, основанного на мощном фундаменте исторического знания, аналитически осмысленного и потому неопровержимого. Насколько это способствовало разрешению социально-политических коллизий, потрясавших страну? Думаю, что ставить вопрос таким образом не вполне корректно: историческим опытом, по мысли В. В. Алексеева, не должен подменяться механизм принятия решений соответствующими специалистами в конкретных областях жизни — в политике, экономике, культуре и т. п., — он служит лишь базой для более обоснованных решений. Корректней, я думаю, было бы поставить вопрос иначе: научились ли российские чиновники (за время, прошедшее с момента учреждения института В. В. Алексеева) обдумывать свои действия с оглядкой на историю, на рекомендации ученых? Или хотя бы «раньше думать о родине, а потом — о себе»? Боюсь, что ответ очевиден и однозначен...

С. В. А. Черешневым

Однако «в начале было слово», и важно, чтобы оно было произнесено. «Слова» молодым институтом произносились весомые, и без внимания они не оставались. Программа «Исторический опыт регионального развития» была высоко оценена самыми компетентными экспертами — Отделением истории АН СССР. Коллеги-академики восприняли исследовательские планы уральских историков как первый шаг к более широкой проблематике национального масштаба: они предложили дополнить программу разделом о роли и значении Урала в истории России, концептуально обосновать ее прикладные аспекты, связанные с возрождением народов России, сохранением историко-культурного наследия прошлого¹.

Признанием оригинальности и перспективности новой научной школы историков, утвердившейся на Урале, стало избрание в 1990 году ее лидера, профессора В. В. Алексеева, членом-корреспондентом Академии наук СССР. А в 1991 году уральские ученые избрали его заместителем председателя Уральского отделения.

¹ Институт истории и археологии. Первое десятилетие. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. С. 40.

С коллегами по совместному российско-шведскому проекту

И в том же 1991 году его назначили председателем Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам УрО РАН — и этот пост он тоже занимает до сих пор.

Результаты исследований по проблемам регионализма опубликованы В. В. Алексеевым в книге «Регионализм в России» (1999), где строгий научный анализ хорошо документированных фактов взрывается публицистически заостренной сутью. Результаты эти докладывались и на X мировом конгрессе экономической истории в Лувене (Бельгия), на других международных форумах. Они были использованы также при подготовке международного учебника для вузов «Основы теории и практики федерализма» (Лувен, Бельгия, 1999), распространенного во многих странах.

Пожалуй, с этого времени уральская школа историков приобрела широкую международную известность. За ее работой пристально следят зарубежные коллеги, приглашают ее представителей на профессиональные форумы, проходящие в разных городах мира, равно как и сами охотно принимают приглашения уральцев. Следствием расширившихся контактов с западными коллегами стало избрание в 1991 году (на пятилетний срок) В. В. Алексеева первым национальным представителем Международного комитета по сохранению индустриального наследия в нашей стране (ТІССІН).

Кстати, сохранение индустриального наследия — это очень уральская тема, и, погрузившись в нее, ученый нашел целый ряд интересных конкретных поворотов. Прежде всего, с ее осмыслением связана идея проведения международной конференции в Нижнем Тагиле в 1993 году. Она так и называлась: «Сохранение индустриального наследия. Мировой опыт и российские проблемы».

Эта тема была позднее развита в совместном российско-шведском проекте. Скандинавских партнеров искренне заинтересовала история появления пушек из уральского металла, которыми, казалось бы, технологически отсталая Россия разгромила в XVIII веке европейскую державу с самой развитой в ту пору металлургией. Самый этот факт позволяет предположить, что региональные процессы порой оборачиваются общенациональными и международными последствиями. Зарубежные историки отнеслись к этому исследованию чрезвычайно заинтересованно. Большую монографию, созданную объединенными усилиями уральских и шведских ученых, — «Железодельательные общества. Раннее индустриальное развитие Швеции и России» — издали (на английском языке) в Оксфорде, и нынче она широко цитируется во всем мире.

А в самом уральском институте успехом этих международных проектов был дан толчок еще одному масштабному исследованию — изучению истории уральской металлургии. Освоению этой темы удачно поспособствовала надвигающаяся юбилейная дата, облегчающая поиск спонсоров. В итоге удалось в 2001 году издать уникальную энциклопедию «Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.», в которой собраны всеобъемлющие сведения о 300 предприятиях — незаменимое справочное пособие для специалистов самого широкого диапазона. Эта работа послужила толчком к развертыванию широкой общественной кампании по сохранению памятников индустриальной культуры Урала. Выявление, научное описание и классификация таких памятников потребовали от ученых особой квалификации и привели к появлению новой научной дисциплины — промышленной археологии, которая уже получила и международное признание.

Рожденная в экстремальных социально-политических и финансовых условиях программа «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)» была сродни то ли шахматной, то ли военной стратегии: можно хоть на двенадцать ходов вперед расписать ее по дням и по минутам (как у незабвенного Вейротера: «Die erste Kolonne marschiert... die zweite

Kolonne marschiert... die dritte Kolonne marschiert...»), но если постоянно не учитывать меняющейся обстановки, баталия закончится совершенным провалом. Я говорю об этом, чтобы объяснить: в программу региональных исследований в ходе работы над ней приходилось вносить серьезные коррективы, продиктованные экономическими, кадровыми и иными тактическими соображениями — только эти меры позволяли сохранять общее направление научных исследований, развивать коллектив. Первоначальный замысел трансформировался, зато по ходу дела рождались перспективные и востребованные, обретающие и финансовую поддержку «подпрограммы», приносившие общественно значимые результаты. Объектами исследований становились социокультурная ситуация в Тюменской области, зарубежный опыт антидепрессивной региональной политики, судьбы малочисленных северных этносов. Были изданы новые монографии ученых института, ряд фундаментальных коллективных трудов — «Урал в панораме XX века», «Уральская историческая энциклопедия», энциклопедия «Екатеринбург», целый ряд других изданий, имевших широкий общественный резонанс. Ширились международные связи.

Тут к месту, я думаю, упомянуть и фундаментальный труд, выполненный В. В. Алексеевым совместно с ближайшими учениками, поскольку в нем развивается та же тема. Это монография «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв.»¹, обобщившая многолетние исследования по проблемам регионализма. Уже само выражение «Азиатская Россия» обещает необычный угол зрения: ведь в обиходе живут понятия Урал, Сибирь, Дальний Восток. Но, углубившись в увлекательный текст, читатель книги убедится, что эти отдельно воспринимаемые территории в действительности являются звеньями единого цивилизационного процесса, в результате которого границы России продвинулись далеко на восток. В общественном сознании закрепилось плоское представление о об этом процессе как о механическом (и едва ли не бессмысленном) приращении российской территории — в действительности же происходило сложное взаимодействие российской цивилизации с цивилизациями Азии — тюркско-исламской, монгольско-ламаистской, китайской, японской, корейской, в итоге которого Россия и стала такой, какой мы ее знаем. Как отмечали весьма компетентные рецензенты, в книге был предложен «совершенно

¹ Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Zubkov K. И., Побережников И. В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. М.: Наука, 2004.

За столом ученого совета института

новый взгляд на содержание и итоги исторических процессов, делая монографию без преувеличения «прорывным» научным достижением, открывающим новые горизонты осмысления прошлого и настоящего Азиатской России»¹. Решусь сказать больше: при ближнем знакомстве с 400-летней историей Азиатской России обнажаются, становятся физически зримыми те скрепы, что делают Центральную Россию и ее периферийные регионы жизненно необходимыми друг другу. При этом замечательно богатая фактура — «историческое знание» — не заслоняет, но раскрывает и подтверждает глубинную суть происходивших здесь событий — «исторический опыт».

Монография об Азиатской России для ученого мира не стала неожиданностью — ее ждали и включили в научный оборот сразу. Ибо уральская школа историков и ее лидер давно уже завоевали прочные позиции в российской и мировой исторической науке. И еще в 1997 году В. В. Алексеев был избран действительным членом Российской академии наук.

В заключение этого сюжета хочу обратить внимание читателя на то обстоятельство, что точно выбранная в годы становления института тема регионализма позволила ученым не только прийти к результатам, которые привлекли повышенное внимание мирового сообщества историков, но открыла перспективы для

¹ Кулешов В. В., Ламин В. А. Новый подход к изучению Азиатской России // ЭКО. 2005, № 7. С. 188.

новых резонансных исследований. Ведь регионализм — далеко не сводится ни к краеведению, ни к сепаратизму «удельных князьков» первых постсоветских лет. Это неотъемлемая грань всемирно-исторического процесса. Любое (тем более любое крупное) геополитическое образование состоит из регионов, и сколь бы ни была прочна связь регионов с тем целым, к которому они принадлежат, у каждого из них есть свои интересы, возможности и притязания. Поэтому то возникают, то рушатся империи и федеративные государства; то они предстают прочным монолитом перед лицом сплотивших их проблем, то в силу каких-то непредвиденных причин обнаруживают тенденции к распаду. Примеров тому не счесть даже в недавней истории, а в последние годы число их возрастает. Вдруг резко обострилось противостояние фламандцев и валлонов в центре Европы — по доброй ведь воле *объединенной* и продолжающей интегрировать в себя новые регионы. Решительно настроена на разъединение с Испанией Каталония. И уже в те дни, когда эта книга готовилась к печати, пятнадцать североамериканских штатов (Луизиана, Техас и др.) подали в федеральную администрацию петиции о своем желании выйти из состава США¹. Уж что-что, а Соединенные Штаты точно не распадутся, но из всех этих примеров следует, что изучение исторического опыта взаимодействия регионов и центра, выработка, скажем так, философии регионализма как квинтэссенции этого опыта — одна из самых актуальных задач, стоящих нынче перед историей, которая рассчитывает кого-то чему-то научить.

Вот почему это направление исследований не только не исчерпало себя за прошедшие годы, но приобретает все большее значение.

Бремя, несомое всеми

В одном из интервью академик В. В. Алексеев в очередной раз подчеркнул свое понимание роли исторической науки в современной жизни: «Наряду с идеологической функцией истории предстоит развить прогностическую, обеспечивающую повышение обоснованности решения проблем современности на основе исторического опыта»².

Именно в силу такого понимания своей миссии ученого его

¹ <http://vlasti.net/news/153631>

Алексеев В. Двадцатый век на весах истории... С. 40.

собственная научная работа — особенно последних двух десятилетий — тесно переплетается с активной и многогранной общественной деятельностью. К этим годам относятся его обстоятельные исследования по таким разным проблемам, как история формирования налоговой системы в России, российские традиции местного самоуправления и государственной службы и др.

Представляется совершенно естественным, что Вениамин Васильевич был привлечен в качестве эксперта к решению целого клубка запутанных вопросов, связанных с казнью большевиками в Екатеринбурге в 1918 году бывшего императора Николая II и его семьи и обнаружением в начале 1990-х якобы их останков. Академик Алексеев быстро понял, что вокруг этой драматической истории идет недостойная политическая игра, и подыгрывать кому бы то ни было категорически отказался. Не принимая на веру доводы «специалистов» по царским костям, он сам скрупулезно изучил все источники, проливающие свет на обстоятельства давней трагедии, нашел много документов, которых другие участники споров начала 1990-х годов не знали, и опубликовал их в монографии «Гибель царской семьи: мифы и реальность». Окончательно раскрыть все тайны чрезвычайно запутанной истории оказалось невозможным, но все же он убедительно доказал, что события развивались иначе, нежели удобно было думать устроителям церемонии похорон обретенных останков. Поэтому Вениамин Васильевич был единственным членом немцевской комиссии по идентификации останков, кто не подписал итоговый документ. После этого его пригласили на беседу с патриархом Алексием II. Аудиенция планировалась пятнадцатиминутная, а продолжалась почти в три раза дольше. Глава Русской православной церкви убедился в правоте уральского историка, и в результате церковь не признала, что останки, найденные в Порошенковом логу, принадлежат Николаю II и членам его семьи. Соответственно, и участвовать в торжественной церемонии захоронения их в Петропавловском соборе С.-Петербурга церковь отказалась.

Этот инцидент произошел почти полтора десятилетия назад; казалось бы — «дела давно минувших дней», но проблема не решена и по сей день. Все эти годы обсуждались те же данные, которыми располагала правительственная комиссия в 1998 году: одни готовы были довольствоваться представленными доказательствами, несмотря на очевидные натяжки, другие считали их недостаточными. Академик В. В. Алексеев с самого начала настаивал на том, что криминалистическая экспертиза должна быть дополнена исторической, то есть анализ останков и артефактов,

Вениамин Алексеев

ГИБЕЛЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ:

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

обнаруженных на месте раскопок, должен быть соотнесен с данными, зафиксированными в архивных документах, — и почему-то убежденные сторонники гипотезы, что это останки царской семьи, категорически отказывались это делать. Летом 2007 года в Поросенковом логу были проведены новые раскопки, в результате которых были обнаружены фрагменты еще двух («недостающих»?) скелетов, расплюснутые револьверные пули, черепки керамических сосудов, обрывки текстильной ткани и др. В этом «и др.» кроется, пожалуй, главный повод для сомнений: почему-то в этом, говоря языком археологов, культурном слое оказались и монеты, выпущенные в 30-х годах XX века... В общем, археологи, участвовавшие в раскопках, не торопятся делать окончательных выводов: сформулировав три версии, объясняющие природу найденных предметов, предупреждают, что «ос-

новательная проверка этих версий займет длительное время, и для нее необходимо завершение хотя бы базового исследования материалов раскопок и сравнение их с данными ранее обнаруженного захоронения и историческими источниками»¹. Вот-вот, «сравнение их с... историческими источниками»; именно на этом с самого начала настаивал В. В. Алексеев, но не получил поддержки в этом плане до сих пор. Кстати, с некоторыми документами, противоречащими мнению правительственной комиссии, Вениамину Васильевичу удалось познакомиться.

Не стану развивать дальше этот сюжет. Во-первых, это было бы преждевременно: в самое последнее время появилась вероятность, что комиссия получит доступ к некоторым «вещественным доказательствам», вывезенным в свое время следователем Н. А. Соколовым на Запад, и можно предположить, что исследование их с применением современных технологий поможет выяснить еще какие-то детали «тайны века». Во-вторых, даже и то, что я сейчас изложил, в какой-то мере увело нас в сторону от главной темы, но я сознательно на это пошел, так как обнаружил в

¹ Ерохин Н. Г., Курлаев Е. А., Погорелов С. Н., Ражев Д. И. Сокрытое захоронение в Поросенковом логу // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2008. № 1(23). С. 54.

интервью, которое В. В. Алексеев дал журналистам по поводу получения им Демидовской премии, примечательное признание: «Это лежит несколько в стороне от моих основных научных интересов, и занимался я царской темой скорее из гражданских побуждений... Своей точки зрения придерживаюсь и до сих пор. Я убежден, что ошибочное решение (немцевской комиссии. — В. Л.) рано или поздно придется пересматривать. Для этого накапливаются новые убедительные материалы»¹. Если Вениамин Васильевич так дотошно вникает в вопросы, «лежащие несколько в стороне» от его главных научных интересов, сколь же основательно он исследует то, на чем его внимание сосредоточено постоянно!..

Между прочим, работая с архивными материалами, имеющими отношение к истории гибели и исчезновения семьи Романовых, В. В. Алексеев наткнулся на большой массив документов о самозванцах, выдававших себя за якобы чудесно спасшихся от расстрела членов царской семьи. Извлечь полезную информацию об участии подлинных Романовых из них нельзя по определению, однако неординарно мыслящий историк посмотрел на них в неожиданном ракурсе: да ведь они же, эти непридуманные сюжеты о самозванцах, говорят о жизни тех лет больше и достоверней, нежели газетные репортажи, официальные отчеты и даже деформированные временем воспоминания очевидцев. Представьте себе: в какой-нибудь осчастливленной советской властью деревеньке появляется фальшивый «царевич Алексей», сын Николая «Кровавого» — и «открывается» местным жителям, не очень опасаясь, что его немедленно передадут в руки ЧК... Однако в руки ЧК они раньше или позже попадали (иначе следов их история не сохранила бы), и материалы посвященных им следственных дел дают, как подчеркивает сам автор, уникальную информацию и о мотивах самозванчества, и о среде их бытования, и о менталитете социальных слоев, на которые опирался самозванец. Поразительно, что речь идет не о какой-то узкой временной нише: последнего самозванца, выдающего себя за представителя семьи Романовых, на Урале задержали в 1952 году! «Воскресшим» Романовым Вениамин Васильевич посвятил двухтомное исследование.

За всей этой многогранной деятельностью, где общественная ситуация подсказывает научную проблему, а научное исследование побуждает вмешаться в развитие общественной ситуации, ощущается позиция патриота и борца. Не стоять в стороне от со-

¹ Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2007, № 1(19). С. 9.

Рабочий момент в кабинете директора института

бытий, наблюдая движение с «непредсказуемыми» (как принято сегодня говорить) последствиями, а именно «предсказывать» — предвидеть, предупреждать, показывать возможность иных вариантов. Поэтому В. В. Алексеев так ценит творческое наследие И. А. Ильина — «одного из немногих философов и политических мыслителей, чьи прогнозы столь часто сбывались»¹.

Способность Ильина предвидеть развитие событий не чудесный дар свыше, а та же, что теперь мы встречаем у В. В. Алексеева, широта кругозора и умение извлекать из пережитого страшной исторический опыт (хоть этим термином мыслитель первой половины прошлого века еще не пользуется). Для И. А. Ильина государство — это «множество людей, связанных общностью духовной судьбы и слившихся в единство на почве духовной культуры и правосознания»². Поэтому силу государства он видит в его единстве, духовной слитности. Мысль философа, в общем-то, проста, о том же и в народе издавна говорят: миром и батьку быют. Однако в нынешнем российском обществе, где укоренилось либерально-рыночное представление о том, что никто никому ничего не должен, ее приходится доказывать, и В. В. Алексеев опирается на поддержку опять-таки Ильина: «Русский народ справится с исто-

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 29.

² Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. М.: Изд-во «Русская книга», 1993. Т.1. С. 234.

рическим бременем и опасностями только тогда, когда это бремя будет несомо всеми»¹.

Каким же образом побудить народ к совместным созидательным действиям? У Ильина есть ответ и на этот вопрос — в разных выступлениях В. В. Алексеев сочувственно цитирует его мысль о том, что «ожесточенным ломом, ревом и погромом *без цели и без идеи* Россию не спасешь. Нужна идея»².

Понятие русской национальной идеи остро дискуссионно. Политологи и публицисты либерального толка даже отказываются ее обсуждать, полагая, что каждый индивид имеет свой интерес, им и руководствуется во всех своих делах. Навязывать ему какую-то программу поведения в интересах других людей — значит, посягать на его права и заведомо знать, что если он ее под давлением каких-то обстоятельств формально и примет, то серьез считаться с нею не станет, ибо не будет же он действовать вопреки своим личным интересам. Кому выгодно, ставят вопрос сторонники этой точки зрения, муссировать вопрос о национальной идее? Лишь тому, кто хотел бы ради достижения своих сомнительных политических целей опереться на националистические инстинкты толпы. Из опасения быть зачисленными в ряд националистов даже многие здравомыслящие люди не решаются обсуждать вопрос о русской национальной идее.

Академика В. В. Алексеева бытующие в обществе предрассудки никогда не пугали, он твердо стоит на почве, укрепленной знанием опыта истории. «Опыт истории показывает, говорит он в одном из интервью, распространенных в Интернете, — что национальную идею имеют великие народы, и коль скоро мы относимся к ним, то без нее обойтись нельзя, тем более на крутых виражах. А если говорить о практической пользе, то национальная идея необходима, чтобы сформулировать задачи государства на данном этапе его развития, определить вектор движения страны. Она нужна власти, чтобы народ поверил ей и пошел за ней. И она нужна народу для понимания, куда его ведут и что надо делать».

Что касается либеральных возражений против постановки вопроса о национальной идее — они-то как раз, по мнению академика В. В. Алексеева, основаны на историческом невежестве и верхоглядстве (если не сказать: на лукавстве, за которым ощущается присутствие отнюдь не национальных интересов). Ведь не могут же европейски просвещенные идеологи либера-

¹ Урал. 2005, № 8. С. 204.

² Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 31.

лизма не понимать, что разного уровня социальные образования, включая и государство, исторически возникли не ради того, чтобы зловредно сковывать личную инициативу свободных индивидов, а для того, чтобы, разумно соединяя их усилия, многократно приумножить их возможности. Это утверждение верно даже и для самых либеральных государств Запада, а для России с ее беспрецедентными историческими, географическими, климатическими, геополитическими, ментальными особенностями оно верней сто крат, поскольку у нас и вообще-то выживать можно только сообща, а уж выйти из того глубокого кризиса, в котором мы оказались благодаря «перестройке» и «реформам», при либерально-демократическом раздразе взглядов и позиций вовсе немыслимо. Сообща же действовать можно лишь при условии согласования и примирения разношерстных индивидуальных интересов на основе единой и общепризнанной смысловой доминанты. Поэтому вопрос о национальной идее для нас это, в сущности, вопрос о внутренней спаянности и дееспособности государства как единого целого. Иными словами, вопрос о нашем выживании.

У национальной идеи, с точки зрения академика В. В. Алексеева, есть две стороны. Прежде всего, это формирующаяся веками национальной истории основа, соединяющая разноплеменную общность людей в единый народ. Но это также, с другой стороны, и емкая, краткая, афористичная формула, выражающая суть и смысл национального единства на вербальном уровне.

Что именно сделало (да и сделало ли? Сегодня ставят вопрос и так) население территории, скажем так, от Пскова и Смоленска до Владивостока и Анадыря единым народом? Существуют разные мнения на этот счет (именно мнения, основанные на личном опыте и групповых предпочтениях); пожалуй, упомянутая выше монография «Азиатская Россия...» — первая попытка дать научно обоснованный ответ на этот самый сложный вопрос. Но, наверно, даже эта большая по объему и плотно насыщенная смыслом монография не исчерпывает проблему. А можно ли даже подумать о том, чтобы глубинный смысл хотя бы одной этой работы был выражен в краткой и легко усвояемой формуле — формуле-лозунге, формуле-призыве, формуле — воззвании к самому задушевному и личному, что есть в гражданине России?

В этом, естественно, большая проблема. В. В. Алексеев и на этот раз апеллирует к историческому опыту. Вариантов было множество. Наиболее известные — апелляция к православному самосознанию: Москва — третий Рим: «Два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти»; апелляция к национальному самосозна-

нию («гей, славяне!»); апелляция к государственно-патриотическому духу: «Православие, самодержавие, народность». Кстати, в известной формуле графа Уварова, резко порицавшейся в советское время, академик В. В. Алексеев видит рациональное зерно: во-первых, она переключалась со старым воинским девизом «За веру, царя и Отечество!» Во-вторых, четко ставя акценты на государственных приоритетах, она оберегала незрелую политическую культуру российского человека от внутренних и внешних соблазнов, идущих от французской революции, а потом и от социал-демократии. Парадоксально, но в советское время «одиозная» формула царского министра просвещения фактически возродилась в новом обличье: «За Родину, за Сталина!» и еще — «Сохраним завоевания революции!» И механизм сработал: народ сплотился для отпора врагу во время Великой Отечественной войны, народ героически работал и в мирное время. Были отброшены эти четкие (не будем здесь обсуждать, насколько они были хороши) ориентиры — начался распад...

Можно ли найти простые, всем доступные и притягательные понятия, которые смогли бы сегодня вот так же объединить народ на преодоление кризиса, на исторический рывок к более достойной жизни?

Во всяком случае, академик В. В. Алексеев свой вариант уверенно предлагает. Впервые эта формула была предложена на Всероссийской научно-практической конференции «Россия в поисках национальной стратегии развития» (Каменск-Уральский, 24 апреля 2003 г.) и стала ядром меморандума, принятого этой конференцией. Позже Вениамин Васильевич неоднократно к этой теме возвращался, и в принципе его позиция осталась той же по сей день. Формула тоже включает три положения: *просвещение, гражданственность, достоинство*. Возможно, в ней не просматривается лозунг, с которым солдат-контрактник может пойти в атаку, утверждая конституционный порядок где-нибудь на южных рубежах сильно траченного коррупцией Отечества. Но приоритеты, которые следует иметь в виду ответственным людям, для которых не безразлично будущее России, в них выражены с предельной четкостью.

Просвещение во все времена было главным орудием прогресса. «Сегодня идея Просвещения, — говорится в упомянутом меморандуме, — это идея последовательной и целеустремленной борьбы с бездной отсталости, обскурантизма, бескультурия и неустроенности русской жизни, духовного убожества и мизерности жизненных целей. Просвещение — это культ знаний, приоритетное развитие науки, образования и высоких технологий...»

«Идея Гражданственности, — говорится в том же документе далее, — в широком смысле означает неуклонное повышение уровня самоорганизации и самостоятельности российских граждан, складывание основ полноценного гражданского общества, способного эффективно контролировать власть, сообщать верное направление ее действиям. Идея Гражданственности означает также примат закона над бюрократическим произволом».

«Возрожденное национальное достоинство — это, фактически, обновленный и глубоко осознанный российский патриотизм, который не сводим к слепой преданности государству и который вбирает в себя весь спектр значимых для человека социальных символов его полноценного бытия — семью, род, нацию, Родину. Национальное достоинство — это то, что научит деловых людей России верить в свою страну и доверять ей, работать на ее процветание»¹.

Совершенно очевидно, что эти приоритеты легче обозначить, нежели добиться того, чтобы они были положены в основу государственной политики. Однако же опять: «В начале было слово». И слово произнесено.

Корни и крона

В упомянутом выше интервью по поводу присуждения ему Демидовской премии В. В. Алексеев о направленности своих сегодняшних (на тот день, а это было в начале 2007 года) научных интересов ответил так: «Директору института приходится заниматься широким кругом тем, но главное из них — индустриальное развитие и индустриальное наследие, проблемы российских модернизаций и регионализма, исторический опыт и его использование в современной социальной практике»². Примерно так же он мог бы ответить и сегодня.

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории... С. 395–398.

Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2007, № 1(19). С. 8.

В этом кратком резюме можно выделить три грани смысла.

Прежде всего, тут легко просматривается та сквозная идея, которая лежит в основе моего очерка. Жизнь ученого подобна плодovому дереву: корни его глубоко и широко проникают в родную почву (разумеется, нужно сделать акцент на социальном и особенно на культурном, интеллектуальном срезе этого понятия); ствол — это профессиональный, творческий рост (в частности, диссертации, монографии, статьи, которые принесли ему известность и научный авторитет). А крона — разветвление, которое венчает ствол; в данном случае это ученики и сподвижники, а может, коллеги из других научных центров или просто читатели, опирающиеся на те монографии и статьи, чтобы сделать следующий шаг в науке или подняться на новый уровень миропонимания. Крона поддерживается стволом и приносит обильные плоды. Научный институт — наиболее адекватный образ такой «кроны», но академик В. В. Алексеев, кроме того, возглавляет Объединенный ученый совет по гуманитарным наукам при президиуме УрО РАН, и это обстоятельство значительно расширяет «крону»: через это структурное подразделение его опыт, авторитет, творческий потенциал востребованы при выработке и реализации стратегии научных исследований других гуманитарных институтов Уральского региона.

Основные ветви, которые образуют «крону» научной школы, это те направления работы института, которые являются прямым продолжением научных исследований, начатых ранее им самим, но теперь по этим направлениям уже идет коллективная работа, в которой он продолжает участвовать на всех стадиях и на всех уровнях, начиная от выработки стратегии и кончая редактированием итоговых трудов. Таким образом шла работа над монографиями «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике (XVI–XX вв.)» (М.: Наука, 2004), «Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней» (М.: Наука, 2008), «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект» (Екатеринбург, 2011) и др.

Но это лишь направления, обозначенные самим В. В. Алексеевым как главные. Они далеко не исчерпывают тематики института — разветвленной «кроны», венчающей прочный «ствол». Среди трудов последних лет, к которым так или иначе причастен академик, можно упомянуть энциклопедические издания по истории разных субъектов Уральского региона, истории литературы Урала; истории казачества и др.

Труды ученых Института истории и археологии

Особенное внимание в последние годы в институте уделяется вопросам методологии. Как замечает сам В. В. Алексеев, после крушения марксизма-ленинизма как универсальной основы исследований в области гуманитарных и общественных наук истории остались на мели. Дело не в изменившейся конъюнктуре, а в том, что научная мысль, освободившаяся от догматов «единственно верного» учения, встала перед необходимостью осмыс-

лить исторический процесс в более сложном контексте фактов и событий. Ну не могли, к примеру, промышленное освоение Урала и развитие уральской металлургии двигаться классовой борьбой! Но тем-то, напомню, и отличается исторический опыт от исторического знания, что именно на него опирается мостик между исторической наукой и повседневной жизнью общества. Как раз для того, чтобы превратить знание в опыт, и нужна методология.

Четверть века углубленного исследования реальных процессов, происходивших на Урале и в Сибири и рассматриваемых в контексте общероссийского и глобального цивилизационного процесса, открыли для коллектива, руководимого героем этого очерка, значение таких факторов исторического развития, как регионализм и модернизация, с их учетом осмысление исторических фактов в их совокупности вышло на новый уровень, и это обстоятельство привлекает к работам Института истории и археологии УрО РАН пристальное внимание не только российских, но и зарубежных историков. Кстати, президиум Уральского отделения Академии отметил это достижение академика В. В. Алексеева, наградив его в 2011 году главной наградой отделения — золотой медалью и премией имени академика С. В. Вонсовского. Впервые этой награды удостоен гуманитарий!

Но мысль ученого, который считает актуальным, возможным и необходимым переход исторической науки от описатель-

ности к аналитичности, движется дальше: чтобы уметь не только объяснять, но и хотя бы на уровне возможности, вероятности предвидеть события, надо найти новые, основанные на количественных методах (уже широко и плодотворно использующихся в других науках) способы обработки безбрежного массива исторического знания.

По этой логике в структуре института появилась группа высококвалифицированных математиков, которые занялись развитием методологии факторного анализа и исследованием на основе этой методологии реальных исторических процессов. Надо подчеркнуть, что многие историки настороженно, а то и с предубеждением относятся к этой новой ветви исторической науки. Их можно понять, помня, с одной стороны, рассуждение Л. Н. Толстого о причинах начала войны («Отчего падает яблоко?» и т. д.), а с другой стороны предложенную математиками сенсационную «новую хронологию».

Но факторный анализ — совсем не то же самое, что перенесение Куликовской битвы к воротам московского Китай-города. Тут и само направление мысли другое: не математики учат историков, а историки призвали на помощь математиков. С обоснованием правомерности такого подхода к массиву исторического знания неоднократно выступали в соавторстве сам академик В. В. Алексеев и «главный математик» института — кандидат физико-математических наук и доктор исторических наук С. А. Нефедов. А недавно (в 2010 и 2011 гг.) Сергей Александрович издал в Москве двухтомник «История России. Факторный анализ», ответственным редактором которого выступил В. В. Алексеев. Фундаментальный труд не без проблем соотносится с традиционными «парадигмами» исторической науки, дискуссии о нем еще только разгораются, но уже сейчас ясно: исторической науке сегодня недостаточно запечатлевать для потомков «великие и удивления достойные деяния» предков и современников, она стремится активно и равноправно участвовать в социальной практике. Академик В. В. Алексеев и возглавляемый им научный коллектив принадлежат к лидерам этих перемен.

На выставке трудов Института истории и археологии УрО РАН